

Николай Клюев
НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

ПЕСНОСЛОВ

КНИГА ПЕРВАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
ПЕТРОГРАД • 1919

Николай Крюков.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

ПЕСНОСЛОВ

КНИГА ПЕРВАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
ПЕТРОГРАД • 1919

СОСЕН ПЕРЕЗВОН

В златотканные дни Сентября
Минится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладон куря,
Над твоей опустелой избушкой.

Ветер-сторож следы старины
Заметает листвою шелестящей.
Распахни узорочье сосны,
Промелькни за березовой чащей!

Я узнаю косынки кайму,
Голосок с легковейной походкой...
Сосны шепчут про мрак и тюрьму,
Про мерцание звезд за решеткой,

Про бубенчик в жестоком пути,
Про седые, бурятские дали...
Мир вам, сосны, вы думы мои,
Как родимая мать, разгадали!

В поминальные дни Сентября,
Вы сыновнюю тайну узнайте,
И о той, что погибла любя,
Небесам и земле передайте.

Весна отсияла... Как сладостно больно,
Душой отрезвися, любовь схоронить.
Ковыльное поле дремуче раздольно,
И рдяна заката огнистая нить.

И серые избы с часовней убогой,
Понурые ели, бурьяны и льны
Суровым безвестьем, печалию строгой —
„Навеки“, „Прощаю“, — как сердце полны.

О, мать-отчизна, какими тропами
Бездольному сыну укажешь пойти:
Разбойную ль удадь померять с врагами,
Иль робкой былинкой кивать при пути?

Былинка поблекнет, и удадь обманет,
Умчится, как буря, надежды губя;
Пусть ветром нагорным душа моя станет
Пророческой сказкой баюкать тебя.

Баюкать безмолвье и бури лелеять,
В степи непогожей шуметь ковылем,
На спящие села прохлагою веять,
И в окна стучаться дозорным крылом.

* * *

Наша радость, счастье наше
Не крикливы, не шумны,
Но блаженнее и краше,
Чем младенческие сны.

В серых избах, в казематах,
В нестерпимый крестный час,
Смертным ужасом объятых
Не отыщется меж нас.

Мы блаженны, неизменны,
Веря любим и молчим,
Тайну Бога и вселенной
В глубине своей храним.

Тишиной безвестья живы,
Во хмелю и под крестом,
Мы—жнецы вселенской нивы
Вечеров уборки ждем.

И хоть смерть косою тлетворной
Нам грозит из лет седых:
Он придет нерукотворный,
Век колосьев золотых.

Вечер ржавой позолотой
Красит туч изгиб.
Заболею за работой
Под гудочный хрип.

Прибреду в подвальный угол —
В гнилозубый рот.
Много страхов, черных пугал
Темень приведет.

Перепутает с просонка
Стрелка ход минут...
Убаюкайте совенка,
Сосны, старый пруд!

Мама, дедушка Савелий,
Лавка, глаже щек...
Темень каркнет у постели:
„Умер паренёк“.

„По одежке—фабричный,
Обликом—белес“ ...
И положат в гроб больничный
Лавку, старый лес.

Сказку мамину на сердце,
В изголовье—пруд.
Убиенного младенца
Ангелы возьмут.

К деду Боженьке, рыдая,
Я щекой прильну:
„Там, где гарь и копоть злая,
Вырасти сосну!“

„Страшно, дедушка, у домины
Голубю-душе“...
И раздастся голос громный
В Божьем шалаше:

„Полетайте, серафимы,
В преисподний дол!
Там, для пил неуязвимый,
Вырастите ствол.

Расплесните скатерть хвои,
Звезды шишек, смоль,
Чтобы праведные Нои
Утолили боль.

Чтоб от смол янтарно пегий,
Как лесной закат,
Приютил мои ковчеги
Хвойный арарат*.

* * *

Я говорил тебе о Боге,
Непостижимое вещал,
И об украшенном чертоге
С тобою вместе тосковал.

Я тосковал о райских кринах,
О берегах иной земли,
Где в светло дремлющих заливах
Блуждают сонно корабли.

Плывут преставленные души
В незатемненный далью путь,
К Материку желанной суши
От бурных странствий отдохнуть.

С тобой впервые разгадали
Мы очертанья кораблей,
В тумане сумеречной дали,
За гранью слившихся морей.

И стали чутки к откровенью
Незримо веющих сирен,
Всегда готовы к выступленью
Из Лабиринта бранных стен.

Но иногда мы чуем оба
Ошибки чувства и ума:
О, неужель за дверью гроба
Нас ждут неволя и тюрьма?

Всё также будет вихрь попутный
Крутить метельные снега,
Синеть чертою недоступной
Вдали родные берега?

Свирелью плачущей сирены
Томить пугливые сердца,
И океан лохмотья пены
Швырять на камни без конца?

ПАХАРЬ.

Вы на себя плетете петли
И наостряете мечи.
Ищу вотще: меж вами нет ли
Рассвета алчущих в ночи.

На мне убогая сермяга,
Худая обувь на ногах,
Но сколько радости и блага
Сквозит в поруганных чертах.

В мой хлеб мешаете вы пепел,
Отраву горькую в вино,
Но я, как небо, мудро-светел,
И не разгадан, как оно.

Вы обошли моря и сушу,
К созвездьям взвели корабли,
И лишь меня — мирскую душу,
Как жалкий сор, пренебрегли.

Работник Господа свободный
На ниве жизни и труда,
Могу ль я вас, как терн негодный,
Не вырвать с корнем навсегда?

Я был прекрасен и крылат
В Богоотческом жилище,
И райских кринов аромат
Мне был усладою и пищей.

Блаженной родины лишен,
И человеком ставший ныне,
Люблю я сосен перезвон,
Молитвословящий пустыне.

Лишь одного недостает
Душе в подветренной юдоли,
Чтоб нив просторы, лоно вод
Не оглашались стоном боли,

Чтоб не стремил на брата брат
Враждою вспыхнувшие взгляды,
И ширь полей, как вертоград,
Цвела для мира и отрады,

И чтоб похитить человек
Венец Создателя не тщился,
За что, отверженный на век,
Я песнокрылья лишился.

ГОЛОС ИЗ НАРОДА.

Вы — отгул глухой, гремучей,
Обессилевшей волны,
Мы — предутренние тучи,
Зори росные весны.

Ваши помыслы — ненастье,
Дрожь и тени вечеров,
Наши — мерное согласие
Тяжких времени шагов.

Прозревается лишь в книге
Вами мудрости конец, —
В каждом облике и миге
Наш взыскующий Отец.

Ласка матери - природы
Вас забвеньем не дарит, —
Чародейны наши воды
И огонь многоочит.

За слиянье нет поруки,
Перевал скалист и крут,
Но бесплодно ваши стуки
В лабиринте не замрут.

Мы, как рек подземных струи,
К вам незримо притечём,
И в безбрежном поцелуе
Души братские сольем.

Просинь—море, туча—кит,
А туман—лодейный парус.
За окнищем моросит
Не то сырь, не то стеклярус.

Двор—совиное крыло
Весь в глазастом узорочьи.
Судомойня—не село,
Брань—не щекоты сорочьи.

В городище, как во сне,
Люди—тля, а избы—горы.
Примерещилися мне
Беломорские просторы.

Гомон чаек, плеск весла,
Вольный промысел ловецкий:
На потух заря пошла,
Чуден остров Соловецкий.

Водяник прядет кудель,
Что волна, то пасмо пряхи...
На извозчичью артель
Я готовлю харч говяжий.

Повернет небесный кит
Хвост к теплу и водополью...
Я, как невод, что лежит
На мели, изъеден солью.

Не придет за ним помор —
Пододонный полоняник...
Правят сумерки дозор,
Как ночлег бездомный странник.

* * *

Осенюсь могильною иконкой,
Накормлю малиновок кутьей,
И с клюкой, с дорожною котомкой,
Закачусь в туман вечеровой.

На распутьях дальнего скитанья,
Как пчела медвяную росу,
Соберу певучие сказанья,
И тебе, родимый, принесу.

В глубине народной не забытым
Ты живешь, кровавый и святой...
Опаленным, сгинувшим, убитым,
Всем покой за дверью гробовой.

* * *

В морозной мгле, как око сычье,
Луна-дозорщица глядит;
Какое светлое величье
В природе мертвенной сквозит.

Как будто в поле, мглой объятom,
Для правых подвигов и сил,
Под сребротканым, снежным платом,
Прекрасный витязь опочил.

О, кто ты, родина? Старуха?
Иль властоокая жена?
Для песнотворческого духа
Ты полнозвучна и ясна.

Твои черты январь-волшебник
Туманит вьюгой снеговой,
И схимник-бор читает требник,
Как над умершею тобой.

Но ты во век неуязвима,
Для смерти яростных зубов,
Как мать, как женщина, любима
Семьей отверженных сынов.

На их любовь в плену угрюмом,
На воли пламенный недуг,
Ты отвечаешь бора шумом,
Мерцаньем звезд да свистом выюг.

О, изреки: какие боли,
Ярмо какое изнести,
Чтоб в тайники твоих раздолий
Открылись торные пути?

Чтоб, неизбывная доселе,
Родная сгинула тоска,
И легкозвоннее метели,
Слетала песня с языка?

Сердцу сердца говорю:
Близки межи роковые,
Скоро вынесет ладью,
На просторы голубые.—

Не кручинься и не плачь,
Необъятно, и бездумно,
Одиночка и палач—
Всё так ново и безумно.

Не того в отшедшем жаль,
Что надеждам изменило,
Жаль, что родины печаль
Жизни море не вместило.

Что до дна замечено
Зарубежных вьюг снегами,
Рокоча, как в старь, оно
Не заспорит с берегами.

* * *

Холодное, как смерть, равниной бездыханной
Болото мертвое раскинулось кругом,
Пугая робкий взор безбрежностью туманной,
Зловещее в своем молчаньи ледяном.

Болото курится, как дымное кадило,
Безгласное, как труп, как камень мостовой.
Дитя моей любви, не для тебя ль могилу
Готовит здесь судьба незримою рукой!

Избушка ветхая на выселке угрюмом
Тебя изгнанницу святую приютит,
И старый бор печально строгим шумом
В глухую ночь невольно усыпит.

Но чуть рассвет затеплится над бором,
Прокрякает чирок в надводном тростнике,—
Болото мертвое немерянным простором
Тебе напомнит вновь о смерти и тоске.

Ты всё келейнее и строже,
Непостижимее на взгляд...
О, кто же, милостивый Боже,
В твоей печали виноват?

И косы пепельные глаже,
Чем раньше, стягиваешь ты,
Глухая мать сидит за пряжей —
На поминальные холсты.

Она нездешнее постигла,
Как ты, молитвенно строга...
Блуждают солнечные иглы
По колесу от очага.

Зимы предчувствием объаты
Рыдают сосны на бору;
Опять глухие казематы
Тебе приснятся ввечеру.

Лишь станут сумерки синее,
Туман окутает реку, —
Отец, с веревкою на шее,
Придет и сядет к камельку.

Жених с простреленною грудью,
Сестра, погибшая в бою, —
Все по вечернему безлюдью
Сойдутся в хижину твою.

А Смерть останется за дверью,
Как ночь, загадочно темна.
И до рассвета суеверью
Ты будешь слепо предана.

И не поверишь яви зрячей,
Когда торжественно в ночи,
Тебе за боль, за подвиг плача —
Вручатся вечности ключи.

О, ризы вечера, багряно-золотые,
Как ярое вино пьяните вы меня!
Отраднее душе развалины седые,
Туманов—вестников рассветного огня.

Горите же мрачней, закатные завесы!
Идет Посланец Сил, чтоб сумрак одолеть;
Пусть в безднах темноты ликуют ночи бесы,
Отгулом вторит им орудий злая медь.

Звончее топоры поют перед рассветом,
От эшафота тень черней—перед зарей...
Одежды вечера пьянят багряным цветом,
А саваны утра покоят белизной.

* * *

Я надену черную рубаху,
И вослед за мутным фонарем,
По камням двора пройду на плаху
С молчаливо ласковым лицом.

Вспомню маму, крашеную прялку,
Синий вечер, дрему паутин,
За окном ночующую галку,
На окне любимый бальзамин,

Луговин поемные просторы,
Тишину обкошенной межи,
Облаков жемчужные узоры
И девичью песенку во ржи:

Узкая полосынька
Клинышком сошлась,—
Не во-время косынька
На две расплелась.

Развилась по спинушке,
Как льняная плетъ, —
Не тебе-детинушке
Девушкой владеть.

Деревца вилавого
С маху не срубить, —
Парня разудалого
Силой не любить.

Белая березынька
Клонится к дождю...
Не кукуй, загозынька,
Про судьбу мою...

Но прервут куранты крепостные
Песню-думу боем роковым...
Бред души! То заводи речные
С тростником поют береговым.

Сердца сон кромешный как могила!
Опустил свой парус рыбарь-день.
И слезятся жалостно и хило
Огоньки прибрежных деревень.

Темным зовам не верит душа,
Не летит встречу призракам ночи.
Ты, как осень, ясна, хороша,
Только строже и в ласках короче.

Потянулись с криком в отлет
Журавли над потусклой равниной.
Как с природой, тебя эшафот
Не разлучит с родимой кручиной.

Не однажды под осени плач,
О тебе — невовратно далекой,
За разгульным стаканом палач
Головою поникнет жестокой.

„Безответным рабом
Я в могилу сойду,
Под сосновым крестом
Свою долю найду“.

Эту песню певал
Мой страдалец-отец,
И по смерти завещал
Допевать мне конец.

Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землею пролетит.

Не безгласным рабом,
Проклиная житье,
А свободным орлом
Донюю я ее.

Есть на свете край обширный,
Где растут сосна да ель,
Неисследный и пустынный,—
Русской скорби колыбель.

В этом крае тьмы и горя
Есть забытая тюрьма,
Как скала на глади моря,
Неподвижна и нема.

За оградой высокой
Из гранитных серых плит,
Пташкой пленной, одинокой
В башне девушка сидит.

Злой кручиною объята,
Всё томится, воли ждет,
От рассвета до заката,
День за днем, за годом год.

Но крепки дверей запоры,
Недоступно страшен свод,
Эхо дикого простора
В каземат не донесет.

Только ветер перепевный
Шепчет ей издалика:
„Не томись, моя царица,
Радость светлая близка.

За чертой зари туманной,
В ослепительной броне,
Мчится витязь долгожданный
На вспененном скакуне“.

* + *

По тропе-дороженьке,
Могота-ль брести?..
Ой, вы, руки, ноженьки,—
Страдные пути!

В старину по кладочкам
Тачку я катал,
На привале давеча
Вспомнил,—зарыдал.

На заводском промысле
Жизнь не дорога...
Ой, вы, думы-розмысли,
Тучи, да снега!

* * *

Я пришел к тебе убогий,
Из отшельничьих пустынь,
От родимого порога
Пилигрима не отринь.

Слышишь,— пеною студеной
Море мечет в берега...
Приюти от ночи темной,
Обогрей у очага:

Мой грозою сорван парус,
И челнок пучиной взят,—
Отложи на время гарус,
Подыми от прялки взгляд...

Расскажи про край родимый,
Хорошо ль живется в нем,
Все лежит он недвижимый
Под туманом и дождем?

Как и прежде, мглой повиты,
В брызгах пенных валов,
Плачут серые граниты
У пустынных берегов?

Если „да“ в ответ услышу
Роковое от тебя, —
Гробовую буду нишу
Я готовить для себя.

Если ж „нет“ ... Рокошет злая
Непогода без конца.
Ты молчишь, не подымая
Бездыханного лица.

К заповедному приходу
Роковое допряла,
И орлиную свободу
Раньше родины нашла.

Старый дом зловеще гулок,
Бел под лунным серебром.
Час мечтательных прогулок,
Встреч и вздохов о былом.

Но былому неподвластны —
Мы в грядущее глядим,
Замок сказочно прекрасный
Под луною сторожим.

Выйдем в сад, с тобою рядом
Мне так ново, так светло.
Под луны волшебным взглядом
Ты, как белое крыло.

Оттого ли, как в темнице,
Серпану плачется с утра,
Что тебе — урочной птице
Опадет на Юг пора?

Иль душе поверить тяжело,
Что забыт в саду глухом,
Твоего возврата, птишка,
Не дождется лунный дом?

Любви начало было летом,
Конец—осенним Сентябрем.
Ты подошла ко мне с приветом
В наряде девичьи-простом.

Вручила красное яичко,
Как символ крови и любви:
Не торопись на Север, птичка,
Весну на Югъ обожди!

Синеют дымно перелески,
Настороженны и немые,
За узорочьем занавески
Не видно тающей зимы.

По сердце чует: есть туманы,
Движенья смутное лесов,
Неотвратимые обманы
Лягушо-сизых вечеров.

О, не лети в туманы пташкой!
Года уйдут в седую мглу—
Ты будешь нищею монашкой
Стоять на паперти в углу.

И, может быть, пройду я мимо,
Такой же нищий и худой...
О, дай мне крылья херувима
Лететь незримо за тобой!

Не обойти тебя приветом,
И не раскаяться потом...
Любви начало было летом,
Конец—осенним Сентябрем.

* * *

Не оплакано бывшее,
За любовь не прощено.
Береги, дитя, земное,
Если неба не дано.

Об оставленном не плачь ты,—
Впереди чудес земля,
Устоят под бурей мачты,
Грудь родного корабля.

Кормчий молод и напевен,
Что ему бурун, скала?
Из всех морских царевен,
Только ты ему мила. —

За глаза из изумруда,
За кораллы на губах...
Ван душа его о чуде,
Плачет море в берегах.

Свой корабль за мглу седую
Не устанет он стремить,
Чтобы сказку ветровую
На яву осуществить.

ОТВЕРЖЕННОЙ.

Если б ведать судьбину твою,
Не кручинить бы сердца разлукой,
И любовь не считать бы свою
За тебя нерушимой порукой.

Не гадалось ставшее мне,
Что по чувству сестра и подруга,
По своей отдалилась вине
Ты от братьев сурового круга.

Оттого, как под ветром ковыль,
И разлучная песня уныла,
Что тебе побирушки костыль
За замену судьба подарила.

И не ведомо: я ли не прав,
Наш сердце к тому безучастно,
Что, отверженной облик приняв,
Ты, как прежде, нетленно прекрасна?

* * *

Ты не плачь, не крушись,
Сердца робость избуди,
И отбыть не страшись
В предуказанный путь.

Чем ущербней зима
К мигу солнечных встреч,
Тем угрюмей тюрьма
Будет сказку стеречь.

И в весенний прилет
По тебе лишь одной
У острожных ворот
Загрустит часовая.

Сегодня небо, как невеста,
Слепит венчальной белизной,
И от ворот—до казни места
Протянут свиток золотой.

На всем пути он чист и гладок,
Печатью скрепленный слегка,
Для человеческих нападок
В нем не нашлось уголка.

Так отчего глядят тревожно
Твои глаза на неба гладь?
И обещаюсь непреложно
Тебе и в нем принадлежать.

Ласкать, как в прошлом, плечи, руки
И зрять непельные кос...
В неператимый час разлуки
Из жизни робости и слез.

Лелеять нам одно лишь надо:
По злом минутии конца,
К уборке трав и винограда
Прибыть в обители Отца.

Чтоб не опали ягод грозди,
Пока отбытья длится час,
И наших ног, ладоней гвозди
Могли свидетельствовать нас.

Я — мраморный ангел на старом погосте,
Где схимницы - ели да никлый плакун,
Крылом осеняю трухлявые кости,
Подножья обветренный, ржавый чугун;
В руке моей лира, и бренные гости
Уснули под отзвуки каменных струн.

И многие годы, судьбы непреклонней,
Взвизду и забвение, сны и гроба.
Поэзия символ — мой гимн легкозвонней,
Чем осенью трав золотая мольба...
Или вдите и бойтесь! За глубиной ладоней,
Как буря в ущельи, таится труба!

* * *

Нам закланы и заказаны
К пережитому пути,
И о том, что с прошлым связано,
Ты не плачь и не грусти:

Настоящего видениям —
Огнепальные венки,
А безвестным поколениям —
Снежной сказки лепестки.

* * *

Не говори, — без слов понятна
Твоя предзимняя тоска,
Она, как море, необъятна,
Как мрак осенний, глубока.

Не потому ли сердцу мнится
Зимы венчально-белый сон,
Что смерть костлявая стучится
У нашей хижины окон?

Что луч зари ущербно-острый
Померк на хвойной бахrome...
Не проведут ли наши сестры,
Как зиме — молодость в тюрьме?

От их девического круга,
Весну пророчащих судьбин,
Тебе осталась лачуга,
А мне — медвежий карабин.

Но, о былом не сожалея,
Мы предвесении, как снега...
О чем же, сумеречно тлея,
Вздыхает пламя очага?

Или пока снегов откосы
Зарозовеют вешним днем —
Твои отливчатые косы
Затмятся зимним серебром?

* * *

Я за гранью, я в просторе
Изумрудно - голубом,
И не знаю, степь иль море
Расплеснулося кругом.

Прочь ветрила размышленья,
Рифм маячные огни,
Ветром воли и забвенья
Поле - море полыхни!

Чтоб души корабль надбитый,
Путеводных волен уз,
Не на прошлого граниты
Драгоценный вынес груз!..

Взмываешь трав приливы,
Кругозор, как моря дно.
Спят ли ветер? Спят ли нивы?
И уснула давно... Давно.

* * *

Мы любим только то, чему названья нет,
Что, как полунамек, загадочностью мучит:
Отлеты журавлей, в природе ряд примет
Того, что прозревать неведомое учит.

Немолчный жизни звон, как в лабиринте стен,
В пустыне наших душ бездомным эхом бродит,
А время, как корабль под плеск попутных пен,
Плывет и берегов желанных не находит.

И обращаем мы глаза свои с тоской
К Минувшего Земле—не видя стран грядущих

.
В старинных зеркалах живет красавиц рой,
Но смерти виден лик в их омутх зовущих

* * *

Я обещаю вам сады...

К. Бальмонт.

Вы обещали нам сады
В краю улыбчиво-далеком,
Где снеть — волшебные плоды,
Живым питающие соком.

Вещали вы: „Далеких зла
Мы вас от горестей укроем,
И прокаженные тела
В ручьях целительных омоем“.

На зов пошли: Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат,
С лица — вампиры, по наречью —
В глухом ущелье водопад.

За ними следом Страх тлетворный
С язвеной Бедностью пошли, —
И облетел ваш сад узорный,
Ручьи отравой потекли.

За пришлецами напоследок
Идем неведомые Мы, —
Наш аромат смолист и едок,
Мы освежительней зимы.

Вскормили нас ущелий недра,
Вспоил дождями небосклон,
Мы — валуны, седые кедры,
Лесных ключей и сосен звон.

На песню, на сказку рассудок молчит,
Но сердцу так странно правдиво,—
И плачет оно, непонятно грустит,
О чем?—знают ветер да ивы.

О том ли, что юность бесследно прошла,
Что поле заплаканным-нище?
Вон серые избы родного села,
Дуга, перелески, кладбище.

Встанешь в листопадную страничную даль,
В болот и оврагов пологость,
И сердцу-дитяти утешной едва ль
Почувствуешь правды суровость.

Встанет в загадке, к свирельной мечте,
Вздыхнуть, улыбнуться украдкой—
Загадливо нежной небес высоте
И лезни, ленивущим сладко.

Примнится чертогом — покров шалаша,
Колдуньей лесной — незабудка,
И горько в себе посмеется душа
Над правдой слѣпного рассудка.

* * *

Я молился бы лику заката,
Темной роще, туману, ручьям,
Да тяжелая дверь каземата
Не пускает к родимым полям

Наглядеться на бора опушку,
Листопадом, смолой подышать,
Постучаться в лесную избушку,
Где за прыжкою старится мать...

Не она ли за пряслом решетки
Ветровую свирелью поет...
Вечер нижет янтарные четки,
Вранит золотом треснувший свод.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ.

1.

Верить ли песням твоим —
Птицам морского рассвета,
Будто туманом глухим
Водная зыбь не одета?

Вышли из хижины мы,
Смотрим в морозные дали:
Духи метели и тьмы
Взморье снегами сковали.

Тщетно тоскующий взгляд
Скал испытует граниты, —
В них лишь родимый фрегат
Грудью зияет разбитой.

Долго-ль обветренный флаг
Будет трепаться так жалко?..
Есть у нас зимний очаг,
Матери мерная прялка.

В снежности синих ночей
Будем под прялки жужжанье
Слушать пролет журавлей,
Моря глухое дыханье.

Радость незримо придет,
И над вечерними нами
Тонкой рукою зажжет
Зорь незакатное пламя.

2.

Я болен сладостным недугом —
Осенней, рдяною тоской.
Нерасторжимым полукругом
Сомкнулось небо надо мной.

Она везде, неуловима,
Трепещет, дышит и живет:
В рыбацкой песне, в свитках дыма,
В жужжаньи ос и блеске вод.

В шуршаньи трав — ее походка,
В нагорном эхо — всплески рук,
И казематная решетка —
Лишь символ смерти и разлук.

Ее ли косы смоляные,
Как ветер смех, мгновенный взгляд...
О, кто Ты: Женщина? Россия? —
В годину черную собрат!

Поведай: тайное сомненье
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?

* * *

Простятся вам столетий иго,
И всё, чем страшен казни час,
Вражда тупых, и мудрых книги,
Как змеи жалящие нас.

Придет пора, и будут сыты
Нездешней мудростью умы,
И надмогильные ракиты
Зазеленеют средь зимы.

ЗАВЕЩАНИЕ.

В час зловещий, в час могильный,
Об одном тебя молю:
Не смотри с тоской бессильной
На восходную зарю.

Но верна словам завета
Слезы робости утри,
И на проблески рассвета
Торжествуяще смотри.

Не забудь за далью мрачной,
Средь волнующих забот,
Что вышел я повобратно
По заре на эшафот;

Что, велив злое горе,
Ножью жизни не дыша,
В зрелое пала море
Открытая душа.

БРАТСКИЕ ПЕСНИ

* * *

„Я был в духе в день воскресный“.

Апок. гл. I, 10.

Я был в духе в день воскресный,
Осененный высотой,
Просветленно бестелесный
И младенчески простой.

Видел ратей колесницы,
Судный жертвенник и крест,
Указующей десницы
Путеводно-млечный перст.

Источая кровь и пламень,
Шестикрыл и многолик,
С начертаньем белый камень
Мне вручил Архистратиг.

И сказал: „Венчайся белым
Твердо-каменным венцом,
Будь убог и темен телом,
Светел духом и лицом.

И другому талисману
Не вверяйся никогда—
Я пасти не перестану
С высоты свои стада.

На крылах кроваво-дымных
Облечу подлунный храм,
И из пепла тел невинных
Жизнь лазурную создам".

Верен ангела глаголу,
Вдохновившему меня,
Я сошел к земному долу,
Полон звуков и огня.

БЕГСТВО.

И бежал в простор лугов
Из-под мертвенного свода,
Где зловещий ход часов—
Круг замкнутый без исхода.

Где кадильный аромат
Страстью кровь воспаляет,
И бездонной пастью ад
Души грешников глотает.

Или ская смрад и дым,
И адник-смерть гнался за мною,
И вкруг провеса над ним
Или с с серой проливною—

И высоты дохнул огонь,
И из исторгнутый из ножен,—
И вливал Смерти конь,
Или с Господом ничтожен.

Как росу с попутных трав,
Плоть томленья отряхнула,
И душа, возликовав,
В бесконечность заглянула.

С той поры не наугад
Я иду путем спасенья,
И вослед мне: свят, свят, свят,—
Шепчут камни и растенья.

ПОЛУНОЩНИЦА.

(Зачало. Возглас первый).

Полнощные свечи затеплены,
Затоптанные подножья разостланы,
Возкурен ладан невидимый,
Возвнянулося било вселенское,
Вознесен гласы серафимские;
Вспарайтесь-ка, други, в Церковь Божию,
Наступающую, пресвятейшую!
Всправочись, други, поразмыслите,
На себя поглядите оком мысленным,
Видите ли в ком слово бренное,
Видите ли где ризы чистые,
Видите ли крыла светозарные?
Видите ли — труба, ризы — облако,
Видите ли — инокори поднебесные,
Видите ли — в Храм все без боязни!

(Лик голосов).

Растворитесь врата
Пламенного храма,
Мы—глашатаи Христа,
Первенцы Адама.

Человечий бренный род
Согрешил в Адаме,—
Мы омыты вместо вод
Крестными кровями

Нам дарована Звезда,
Ключ от адской бездны,
Мы порвали навсегда
Смерти плен железный.

Вышли в райские луга,
Под живые крины,
Где не чуется Врага
И земной кручины.

Где смотреть Христу в глаза—
Наш блаженный жребий,
Серафимы—образа,
Свечи—зори в небе.

(Конец. Возглас второй).

Наша нива—тверди круг,
Колосится звездной рожью,
И лежит вселенский плут
У Господнего подножья.

Уж отточены серпы
Для новины лучезарной,
Скоро свяжется в снопы
Колос дремлюще-янтарный!

(Лик голосов).

Аминь!

Есть то, чего не видел глаз,
Не улавляло вечно ухо:
Цветы лучистей, чем алмаз,
И дали призрачнее пуха.

Недостижимо смерти дно,
И реки жизни быстротечны,—
Но есть волшебное вино
Продлить чарующее вечно.

Его испив, не меркнуш я,
В полете времени безлетен,
Как моря вал из бытия—
Умчусь певуч и многоцветен.

И всем, кого томит тоска,
Любовь и бранные обеты,
Зажгу с высот Материка
Путеводительные светы.

ОЖИДАНИЕ.

Кто-то стучится в окно:
Буря ли, сучья ль раKIT?
В звуках текущих ровно—
Топот поспешных копыт.

Хижина наша мала,
Некуда гостю пройти;
Ночи зловещая мгла
Зверем лежит на пути.

Кто он? Седой пилигрим?
Смерти костлявая тень?
Или с мечом Серафим,
Пламеннокрылый, как день?

Никнут ракиты, шурша,
Топот как буря растет...
Встань, пробудися, душа—
Светлый ездок у ворот!

* * *
Спят косогор и река
Призраком сизо-туманным.
Вот принесло мотылька
Ночи дыханьем медвяным.

Шолом избы, как челнок,
В заводи смерти глядится...
Ангелом стал мотылек
С райскою ветвью в деснице.

Слышу бесплотную весть —
Голос чарующе властный:
«Был ты и будешь, и есть —
Смерти во-век непричастный».

За лебединой белой долей,
И по лебяжьему светла,
От васильковых меж и поля
Ты в город каменный пришла.

Гуляешь ночью до рассвета,
А днем усталая сидишь,
И перья смятого берета
Иглою неловкою чинишь.

Такая хрупко - испитая
Рассветным кажешься ты днем,
Непостижимая, святая, —
Небес отмечена перстом.

Наедине, при встрече краткой,
Давая совести отчет,
Тебя влетаю я украдкой
В виденный пестрый хоровод,

Панель... Толпа... И вот картина,
Необычайная чета:
В слезах лобзает Магдалина
Стопы пречистые Христа.

Как ты, раскаяньем объята,
Янтарь рассыпала волос, —
И взором любящего брата
Глядит на грешницу Христос.

* * *

Позабыл, что в руках:—
Сердце, шляпа иль трость?..
Зреет в Отчих садах
Виноградная гроздь.

Впереди крик: „нельзя“,
Позади: „воротись“.
И тиха лишь стезя,
Уходящая ввысь.

Не по ней-ли идти?
Может быть, не греша,
На лазурном пути
Станет птицей душа.

БРАЧНАЯ ПЕСНЯ.

Белому брату
Хлеб и вино новое
Уготованы.
Помолюсь закату,
Надем рубище суровое,
И приду на брак непозванный.

Ты узнай меня, Братец,
Не отришь меня, одноотчий,
Дай узреть Зари Твоей багрянец,
Покажи мне Солнце после Ночи.
Я пришел к Тебе без боязни,
Молоденький и бледный, как былина.

Укажи мне после тела казни
В Отчие обители тропинку.
Божий Сын, Невидимый Учитель,
Изведи из мира тьмы наружной
Человека — брата своего!
Чтоб горел он, как и Ты, Пресветлый,
Тихим светом в сумраке ночном,
Чтоб белей цветов весенней ветлы,
Стала жизнь на поприще людском!

Белому брату
Хлеб и вино новое
Уготованы.
Помолюсь закату,
Надем рубище суровое,
И приду на брак непозванный.

„Не бойтесь убивающих тело
Души же не могущих убить!“
Еванг. от Матф. гл. 10, 28.

Как вора дерзкого, меня
У града врат не стерегите,
И под кувшинами огня
Соглядатаино не храните.

Едва уснувший небосклон
Забрезжет тайной неразгадной,
Меня князей синедрии
Осудит казни беспощадной.

Обезображенная плоть
Поникнет долу зрелым плодом.
Но жив мой дух, как жив Господь,
Как сев пшеничный перед восходом.

Еще бесчувственна земля,
Но проплывают тучи мимо.
И, тонким ладонем куря,
Проходит пажитью Незримый.

Его одежды, чуть шурша,
Неуловимы бrenным слухом,
Как одуванчика душа,
В лазури таюшая пухом.

Дрёмны плески вечернего звона,
Мглистей дали, туманнее бор.
От закатной черты небосклона
Ты не сводишь молитвенный взор.

О туманах, о северном лете,
О пустыне моления твои,
Обо всех, кто томится на свете,
И кто ищет ко Свету пути.

Отлетят лебединые зори,
Мрак и вьюги на землю сойдут,
И на тлеюще-дымном просторе
Безотзывно молитвы замрут.

Не верьте, что бесы крылаты,
У них, как у рыбы, пузырь,
Им любви глухие закаты,
И моря полночная ширь.

Они за ладьею акулой,
Прожорливым спрутом плывут;
Утесов подводные скулы —
Геенскому духу приют.

Есть бесы молчанья, улыбки,
Дверного засова, и сна...
В гробу и в младенческой зыбке
Бурант огневая волна.

В кукушке и в песенке пряжи
Вырывают стада бесенят.
Горюхи, костлявые страхи
Ворука, что близится ад.

О, горы, на нас упадите,
Ущелья, окутайте нас!
На тле, на воловьем копыте
Начертая громовый рассказ.

За брашном, за нищенским кусом
Рогатые тени встают...
Кому же воскрылья с убрисом
Закатные ангелы ткнут?

Вы деньки мои — голуби белые,
А часы — запоздалые зяблики,
Вы почто отлетать собираетесь,
Оставляете сад мой пустынею.

Аль осыпалось красное вишеньё,
Виноградье мое приувянуло,
Али дубы матерые, вечные,
Буреломом, как зверем, обглоданы.

Аль иссыкла криница сердечная,
Али веры ограда разрушилась,
Али сам я — садовник испытанный
Не возмог прикормить вас молитвою.

Приворкуйте, всевышние голуби,
И прожубруйте, дольные зяблики,
Над вами с моим вишеньем станется:
Воронью оно в пищу достанется.

По отлете-ж последнего голубя
Постучится в калитку дырявую
Дровосек с топорами да пилами,
В зипунице, в лаптищах с обороми.

Час за часом, как поздние зяблики,
Отлетает в пространство глубинное...
Чу! Как няни сверчковая песенка
Прозвенело крыло голубиное.

„Не жди зари, она погасла,
Как в мавзолейной тишине
Лампада чадная без масла“...
Могильный демон шепчет мне.

Душа смежает робко крылья,
Недоуменно смущена,
Пред духом мрака и насилья
Мигается трепетно она.

И демон сумрака кровавый
Трубит победу в смертный рог.
Смутился кубок брачной славы,
И пуст украшенный чертог.

Рассвета луч не обагрянит
Вино в бокалах круговых,
Никто из мертвых не восстанет
Гробнице преданный Жених.

Пока-же камень не отвален,
И стража тело стережет,
Душа безмолвие развалин
Чертога брачного поет.

* * *

Отвергнув мир, врагов простя,
Собрал букашке многоногой,
Как простодушное дитя,
Снюху у хижины порога.

Смотрю на северный закат,
Внимаю гомону пингвинов,
Изойти на Радужный Фрегат,
В душе надежды не отринув.

Уже в дубраве листопад
Нанес смарагдов, меди груды...
И здесь бездумен и крылат
И за морями светел буду.

* * *

Помню я обедню раннюю,
Вереницы клобуков,
Над толпою покаянною
Тяжкий гул колоколов.

Опьяненный перезвонами,
Гулом каменно-глухим,
Дал обет я пред иконами
Стать блаженным и святым.

И в ответ мольбе медлительной,
Покрывая медный вой,
Голос ясно-повелительный
Мне ответил: „ты не Мой“.

С той поры я перепутьями
Невидимкою блуждал,
Под валежником и прутьями
Вместе с ветром почевал.

Истекли грехопадения,
И посланец горних сил
Безглагольного хваления
Путь заблудшему открыл.

Знаки замысла предвечного —
Зодиака и Креста,
И на плате солнца млечного
Лик прощающий Христа.

* * *

Отгул колоколов, то полновесно-четкий,
То дробно-золотой, колдует и пьянит.
Кто этот, в стороне, величественно-кроткий
В одежде пришлеца, отверженным стоит?

Его встречаю я во храме, на проселке,
По виду нищего, в лохмотьях и в пыли,
Дивясь на язвы рук, на жесткие иголки,
Что светлое чело короной оплели.

Ужели это „Он“? О, сердце, — бейся тише!
Твой трепетный восторг гордынею рожден.
По ком томишься ты, тот в полумраке нищен
Поруганный мертвец, ко древу пригвожден.

Бесчувственному чужд пришелец величавый
Служитель перед ним тимьяна не курит,
И кутаясь во мглу, как исполин костлявый
С дыханьем льдистым смерть Его очей блистает.

НА КРЕСТЕ.

I.

Лестница золотая
Прянула с небес.
Вижу, умирая,
Райских кринов лес.

В кущах духов клиры, —
Светел лик, крыло...
Хмель вина и мирры
Ветром донесло.

Доскуты рубахи
Треплются у ног...
Камни шепчут в страхе:
„Да воскреснет Бог“.

2.

Гвоздяные ноют раны,
Жалют тернии чело.
Чу! Развеяло туманы
Серафимское крыло.

К моему ли, горний, древу
Перервать томленья нить;
Иль нечающую деву
Благовестьем озарить?

Ночь глуха и безотзывна,
Ко кресту утрачен след.
Где ты, светлая отчизна —
Голубиный Назарет?

О, поспешите, братья, к нам,
В наш чудный храм, где зори — свечи,
Где предалтарный фимиам —
Туманы дремлющих поречий!

Спешите к нам, пока роса
Понт возжаждавшие травы,
И в заревые пояса
Одеты дымные дубравы.

Служить Заутреню любви,
Вкусить кровей, живого хлеба...
Кто жив, души не очерствит
Для горних труб и зовов неба!

В передразсветный тайный час,
Под заревыми куполами,
Как летний дождь сойдет на нас
Воспламеняющее пламя.

Продлится миг, как долгий век,
Взойдут неведомые светы...
У лучезарных, райских рек
Сойдемся мы, в виссон одеты.

Доверясь радужным ладьям,
Мы поплывем, минуя мысы...
О, поспешите, братья, к нам
В нетленный сад, под кипарисы!

БРАТСКАЯ ПЕСНЯ.

Поручил ключи от ада
Нам Вселюбящий стеречь,
Наша крепость и ограда —
Заревой, палящий меч.

Град наш тернием украшен,
Без кумирен и палат,
На твердых светлых башен
Братья-воины стоят.

Их откинуты забрала,
Алмаз — столярный щит,
И ни ад, ни смерти жало
Духоборцев не страшит.

Ибо придет в нетленный город,
Для вражды неуязвим,
Всяк собрат нам, стар и молод,
Джиздед и пилигрим.

Ада пламенные своды
Разомкнуть дано лишь нам,
Человеческие роды
Повести к живым рекам.

Наши битвенные гимны
Буреветрами звучат...
Звякнул ключ гостеприимный
У предвечных, светлых врат.

В Моем раю обитель есть,
Как день лазурно беспотемна,
Где лезвие не точит месть,
Где не выносят трупов волны.

За непреклонные врата,
Лишь тот из смертных проникает,
На ком голгофского креста
Печать высокая сияет.

Тому в обители Моей
Смирней горести зачтутся,
И слезы выпрених очей
Для исцеления утрутся.

Он не воротится назад —
Вневременных сеней житель,
И за него, в тиши палат
Не раз содрогнется мучитель.

Он придет! Он придет! И содрогнутся горы
Звездоперстой стопы огневого царя,
Как под ветром осока, преклонятся боры,
Степь расстелет ковры, ароматы кура.

Он воссядет под елью, как море гремучей,
На слепящий престол, в нестерпимых лучах,
Притекут к нему звери пучиной рыкучей,
И сойдутся народы с тоскою в очах.

Он затопчет, как сор, вероломства законы,
Духом уст поразит исполинов-бойцов,
Даст державу простым, и презренным королям,
Чтобы царством владели во веки веков.

Мы с тобою, сестра, боязливы и нищи,
Будем в море людском сиротами стоять!
Ты печальна, как ивы родного кладбища,
И на мне не изглажена смерти печать.

Содрогаясь, мы внемлем Судьи приговору:
Истребися, воскресни, восстань и живи!
Кто-то шепчет тебе: „к бурь и молний собору
Вы причислены оба—за подвиг любви“.

И пойму я, что минуло царство могилы,
Что за гробом принал я к живому ключу...
Воспаришь ты к созвездьям орлом буйно-
крылым,
Молоной просияв, я вослед полечу.

Как звезде, пролетной тучке,
Мне отчизна — синева.
На терновника колючке
Кровь, заметная едва.

Кто прошел стезею правой,
Не сомкнув хвалебных уст?
Шелестит листвою ржавой
За окном колючий куст:

„Чтоб на Божьем аналое
Сокровенное читать,
Надо тело молодое
Крестным терном увенчать“.

РАДЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ.

1.

Ах, вы други-полюбовные собратья,
Обряжайтесь в одежду — в цветно платье.

Снаряжайтесь, умывайтесь беленько,
Расцветайтесь, как зорюшка, аленько,

Укрепитесь, собратья, хлебом-солью,
Причаститесь незримой Агнчьею кровью!

Как у нас-ли, други, ныне радость:
Ушли от нас болезни, смерть и старость.

Ушли плотью мы заката зарянее,
Ушли небесных облак-туч вольнее.

Уходят с нами брашна серафимы,
Уходят нас крылами легче дыма.

Уходят с нами знамение-чудо,
Уходят наши душеньки на блюдо.

Дух возносят серафимы к Саваофу,
Телеса на Иисусову голгофу.

Мы в раю вкушаем ягод грозди,
На земле же терпим крест и гвозди.

Перебиты наши голени и ребра...
Ей, гряди ко стаду, Пастырь добрый!

Аминь.

2.

Мне сказали — Света век на видать,
Белый Светик и поныне во глазах.

И возьму каленовострую стрелу,
На полете звонкоперой накажу:

Не кровавь, стрела зубчата, остря,
На о зверя, ни о малого червя*.

Не послушалась каленая меня,
Полетела за туманные моря.

И ворими синий камешек лежит,
И под камня быстра реченька бежит,

Видно по речке лебедь белая плывет,
Видно берега головушку несет,

Видно леса крылья взмахивает,
И себя водицу всплескивает.

Угодила звонкоперая стрела
В жилу смертную лебяжьего крыла; —

Дрогнул берег, зашаталися леса,
Прокатилися по взгорьям голоса:

„Нынѣ, други, сочетался с братом брат:
С белой яблоней — зеленый виноград!“

3.

Ты взойди, взойди, Невечерний свет,
 С земнородными положи завет!

Чтоб от ныне ли до скончания
 Не забылися скорби давние,

Чтоб в ночи душе не кручинилось,
 И утро белое зла не виделось,

Не желтели бы травы тучные,
 Ветры веяли б сладкозвучные,

На южных сторон смерть бежала бы,
 Ветры дышущей смолкли б жалобы.

Ты взойди, взойди, Невечерний свет,—
 Неверный меч и стена от бед!

Ты, Тыя, отец, вождь, невеста, друг,
 Ты, давай тропы на животный луг.

Зарных ангельских не срывать цветов,
Победительных не сплетать венков,

Не взыграть в трубу, в гусли горние,
Не завихрить крыл, ярче молнии.

УСЛАДНЫЙ СТИХ.

На ивушкой зеленой,
На муравчатом подножьи травном,
На ветер-братик нас в уста целует,
На соловушко свирель поет-жалкует,
Наберем-ка мы, други-братолюбцы,
Таланудрой, тесною семейкой,
На с своей душевною жилейкой.
На воем-ка, друженьки, взыграем,
Намичи друг другу в очи возрыдаем,
На же в той приземной доле тесной,
На вращенной обители небесной,
На в Свете Неприступном пребывали,
На животный, воду райскую вкушали,

Были общники Всещедрой Силы,
Громогласны, световидны, шестикрылы...
Серафимами тогда мы прозывались,
Молоньею твари трепетной казались...
Откликались бурей—молвю громной,
Опоясаны броней нерукотворной.

Да еще мы, братики, вспомним,
Дух утробу брашном сладостным накормим.
Как мы, духи, человечью плоть прияли,
Сетовязами, ловцами в мире стали,
Как рыбачили в водах Генисарета:
Где, Ты,—Альфа и Омега, Отче Света?..

Свет явился, рек нам: „мир вам, други!“
Мы оставили мережи и лачуги,
И пошли во след Любви-Света,
Воссиявшего земле от Назарета.

Рек нам Свете: „с вами Я во веки!
Обагрятся кровью вашей реки,
Плотью вашей будут звери сыты,
Но в уме вы Отчем не забыты“.

Мы восплещем, други, возликуем,
За одно с соловкой пожалкуем.
С вешней ивой росно прослезимся,
В серафимский зрак преобразимся:

Наши лица заряницы краше,
Молодые лучистей ризы наши,
За спиной шесть крылий легковейных,
На кудрях венцы из звезд вечерних!

Мы восплещем зарными крылами
Над кручинными, всерусскими полями,
И дунем в борозды заплаканные нови
Дух живой, всепобеждающей любви,—

И в награду, друженьки, за это
Вознесут нас крылья в лоно света.

ПЕСНЬ ПОХОДА.

Братья-воины, дерзайте
Встречу вражеским полкам!
Пеплом кос не посыпайте,
Жены, матери, по нам.

Наши груди—гор уступы,
Адаманты—рамена.
Под смоковничные купы
Соберутся племена.

Росы горные увлажят
Дня палящие лучи,
Братьям раны перевяжут
Среброкрылые врачи...

В светлом лагере победы,
Как рассветный ветер гор,
Сокрушившего все беды,
Воспоет небесный хор,—

Херувимы, Серафимы...
И, как с другом дорогим,
Жизни Царь Дориносимый
Вечерять воссядет с ним. —

Винограда вкусит гроздий,
Для сыновних видим глаз...
Чем смертельней тери и гвозди,
Тем победы ближе час...

Дух животными крылами
Прикоснется к мертвецам,
И завеса в пышном храме
Раздерется пополам...

Избежав могильной клетки,
Сопричастники живым,
Мы убийц своих приветим
Целованием святым:

И враги, дрожа, тоскуя,
К нам на груди припадут...
Аллилуя, аллилуя!
Вамни гор возопиют.

ЛЕСНЫЕ БЫЛИ

Пашни буры, межи зелены,
Спит за елями закат,
Камней мшистые расщелины
Влагу вешнюю таят.

Хороша лесная родина:
Глушь, да поймища кругом!..
Прослезилася смородина
Травный слушая псалом.

И не чую больше тела я,
Сердце—всхожее зерно...
Прилетайте, птицы белые,
Клюйте ярое пшено!

Льются сумерки прозрачные,
Кроют дали, изб коньки,
И березки—свечи брачные
Гепант листья—огоньки.

СТАРУХА.

Сын обижает, невестка не слушает,
Хлебным куском да бездельем корит;
Чую—на кладбище колокол ухает,
Лаदानом тянет от вешних раки.

Вышла я в поле, седая, горбатая,—
Нива без прясла, кругом сирота...
Свесила верба сережки мохнатые,
Меда душистей, белее холста.

Верба-невеста, молодка пригожая,
Зеленю-платом не засти зари;
Аль с алоцветной красою не схожа я—
Косы желтее, чем бус янтари.

Ал сарафан с расписной оторочкою,
Белый рукав и плясун-башмачек...
Хворым младенчиком, всхлипнув над колыбелью,
Звон оголосил пролесок и лог.

Схожа я с мшистой, заплаканной ивою,
Мне ли крутиться в янтарь-бахрому?
Зой-невидимка узывней, дремливее,
Белые вербы в кадильном дыму.

ОСИНУШКА.

Ах, кому судьбинушка
Ворожит беду:
Горькая осинушка
Ронит лист-руду.

Полымем разубрана,
Вся красным-красна,
Может быть, подрублена
Топором она.

Может, червоточина
Гложет сердце ей,
Черная проточина
Въелась меж корней.

Облака по просини
Крутятся в кольцо.
От судины-осени
Вянет деревцо.

Ой, заря-осинушка,
Златоцветный лет,
У тебя детинушка
Разума займет!

Чтобы сны стожарные
В явь оборотить,
Думы—листья зарные
По ветру пустить.

* * *

Я люблю цыганские кочевья,
Свист костра и ржанье жеребят,
Под луной, как призраки деревья,
И ночной железный листопад.

Я люблю кладбищенской сторожки
Нежилой, пугающий уют,
Дальний звон и с крестиками ложки,
В чьей резьбе заклатья живут.

Зорькой тишь, гармонику в потемки,
Дым овина, в росах коноплю...
Подивятся дальние потомки
Моему безбрежному „люблю“.

Что до них? Улыбчивые очи
Ловят сказки теми и лучей...
Я люблю остожья, грай сорочий,
Близь и дали, рощу и ручей.

ПОВОЛЖСКИЙ СКАЗ.

Собирались в ночнину,
Становились в тесный круг:
„Кто старшой, кому по чину
Повести за стругом струг?

Есть Иванко Шестипалый,
Васька Красный, Кудеяр,
Зауголыш, Рямза, Чалый
И Размыкушка-гусяр.

Стать не гоже Кудеяру,
Рямзе с Васькой-яруном!
Порешили: быть Гусяру
Струговодом-большаком!

Он доселе тешил братьев,
Не застаивал ветрил,
Смарань, Астрахань, Саратов
В небо полымем пустил*.

В япанчу, поверх кольчуги,
Оболок Размыка стан
И повел лихие струги
На слободку — Еруслан.

Плыли долго аль коротко,
Обогнули Жигули,
Еруслановой слободки
Не видали — не нашли.

Закручинились орлята:
Навожденье чем избыть?
— Отступною данью-платой
Волге гусли подарить...

Воротилися в станица,
Что ни струг, то сирота,
Буруны разъели днища,
Червоточина — борта.

Объявилась горечь в браге.
Привелось, хоть тяжело,
Понести лихой ватаге
Черносошное тягло.

И доселе по Поволжью
Живы слухи: в ледоход
Самогуды звучной дрожью
Оглашают глуби вод.

Кто проведает — учует
Половодный, вещий сказ,
Тот навеки зажалкует,
Не сведет с пучины глаз.

Для того туман поречий —
Стружный парус, гул валов —
Перекатный рокот сечи,
Удалой, повольный зов.

Дрожь осоки — шопот жаркий,
Огневая вспышка струй —
Зарноокой полонянки
Приворотный поцелуй.

* * *

В просинь вод загляделися ивы,
Словно в зеркальцо девка-краса.
Убегают дороги извивы,
Перелесков, лесов пояса.

На деревне грачиные граи,
Бродит сон, волокнится дымок;
У плотины, где мшистые сваи,
Нижет скатную зернь Солинопёк —

— Водянице стожарную кикку:
Самоцвет, зарянец, камень-зель.
Стародавнему верен навыку,
Прихожу на поречную мель.

Кличу девушку с русой косою,
С зыбким голосом, с вишеньем шев.
Ивы шепчут: „сегодня с красою
Поменялся кольцом Солинопёк.

Подарил ее зарною кикой,
Заглубил в речном терему*...
С роши тянет смолой, земляникой,
Даль и воды в лазурном дыму.

ЛЕС.

Как сладостный орган десницею небесной
Ты вызван из земли, чтоб бури утишать,
Живым дарить покой, жильцам могилы тесной
Несбыточные сны дыханьем навевать.

Твоих зеленых волн прибой тысячеустный,
Под сводами души рождает смутный звон,
Как будто моряку, тоскующий и грустный,
С родимых берегов доносится поклон.

Как будто в зыбях хвой рыдают серафимы,
И тяжки вздохи их и гул скорбящих крыл,
О том, что Саваоф броней неуязвимой
От хищности людской тебя не оградил.

* * *

Прохожу ночной деревней,
В темных избах нет огня,
Явью сказочною, древней
Потянуло на меня.

В настоящем разуверясь,
Стародавних полон сил,
Распахнул я лихо ферязь,
Шапку-соболь заломил.

Свистнул, хлопнул у дороги
В удалецкую ладонь,
И, как вихорь, звонконогий
Подо мною взвился конь.

Прискакал. Дубровным зверем
Конь храпит, копытом бьет; —
Предо мной узорный терем,
Нет дозора у ворот.

Привязал гнедого к тыну;
Будет лихо, али прок, —
Пояс шелковый закину
На точеный шелонок.

Скрипнет крашеная ставня...
„Что, разлапушка, — не спишь?
Не спроста повесу-пария
Знают Кама и Иртыш!

Наши хаживали струги
До Хвалыничины подчас: —
Не иссякнут у подруги
Бирюза и канифас*...

Прояснились избенки,
Речка в утреннем дыму.
Гусли-морок, всхлипнув звонко,
Искрой канули во тьму.

Но в душе, как хмель, струится
Вещих звуков серебро —
Отлетевшей жаро-птицы
Самоцветное перо.

* * *

Певучей думой обуян,
Дремлю под жесткою дерюгой.
Я — королевич Еруслан
В пути за пленницей-подругой.

Мой конь под алым чепраком,
На мне серебряные латы...
А мать жужжит веретеном
В луче осеннего заката.

Смежаются сумерки глаза,
На лихо жалуется прялка...
Дымится омут, спит лоза,
В осоке девушка-русалка.

Она поет, манит на дно
От неги ярого избытка...
Запри, судьбы веретено,
Поринься, тоскующая нитка!

* * *

Тучи, как кони в ночном,
Месяц — грудок пастушонка.
Вся порасла ковылем
Божья святая сторонка.

Только и русла, что шлях —
Узкая, млечная стёжка.
Любо тебе во лесах,
В скрытной избе, у окошка.

Светит небесный грудок
Нашей пустынной любви.
Гоже-ли девке платок
Супить по самые брови?

По сердцу-ль парню в кудрях
Никнуть плакучей ракитой?
Плыть бы на звонких плотах
Вниз по Двине ледовитой.

Чуять, как сказочник-руль
Будит поддонные были.
Много-б Устеш и Акуль
Кудри мои полонили.

Только не сбыться тому, —
Берег кувшинке несносен...
Глянть-ка, заря бахрому
Весит на звоницы сосен.

Прячется карлица-мгла
То за ивияк, то за кочку.
Тысяча лет протекла
В эту пустынную ночку.

Ноченька темная, жизнь подневольная...
В поле безлюдье, бесследье да жуть.
Мается душенька... Тропка окольная,
Выведи парня на хоженный путь!

Прыснул в глаза огонечек малешенек,
Темень дохнула далеким дымком.
Стар-ли огневщик, младым-ли младешенек,
С жаркою бровью, с лебяжьим плечом, —

Что до того? Отогреть бы ретивое,
Ворога тezкою, братом назвать...
Лютное поле, осочье шумливое
Полнятся вестью, что „умерла мать“.

„Что не вордохнутся старые ноженки,
Старые песни, как травы, мертвы“...
Ночь — домовище, не видно дороженьки,
Негде склонить сироте головы.

* * *

Изба - богатырица,
Кокошник вырезной,
Оконце, как глазница,
Подведено сурьмой.

Кругом земля - землища
Лежит, пьяна дождем,
И бора - старищица
Подоблачный шелом.

На - под шелома строго
Грозится туча - бровь...
К заветному порогу
И припадаю вновь.

Седых веков наследство,
Поклон вам, труд и пот!..
Ну, весню малолетства
Возвывая поет:

Спородила я сына - богатыря
Под потокою на сиверке,
На холодном полузимнике,
Чтобы дитятко по матери пошло,
Не удушливо в летнее тепло,
Под морозами не зябкое,
На воде-луде не хлябкое!

Уж я вырастила сокола-сынка
За печным столбом на выводе,
Чтоб не выглядел Старик-Журавик,
Не ударил бы черемушкой,
Не сдружил бы с горькой долюшкой!

* * *

Месяц — рог олений,
Тучка — лисий хвост.
Полон привидений
Таежный погост.

В заревом окладе
Спит Архангел Дня.
В Божьем вертограде
Не забудь меня.

Там святой Никита,
Лазарь — нищим брат.
Кирик и Улита
Страсти утолят.

В белом балахонце
Скотий врач — Медост...
Месяц, как оконце,
Брезжит на погост.

Темь соткала куколь
Елям и бугру.
Молвит дед: „не внука-ль
Выходил в бору“.

Я в ответ: „теперь
На пушину пост:
И меня, как зверя,
Исцелил Медост“.

И пришел к тебе, сыр-дремучий бор,
Из-за быстрых рек, из-за дальних гор,
Чтоб у ног твоих, витязь-схимнице,
Надышать лесной древней силищей.

Ты прости, отец, сына нищего,
Писню-золото расточившего!
На кудрявичем под гусярный звон
И зелен терем твой постучался он.

Потатырь душой, певник розмыслом,
Позауружился я с древним обликом,
Променил парчу на сермяжину,
Стари-вихори на плешь-лысину.

Позовишь тебе, государь, душой —
В свой тропу в зелен терем свой!
В двенадцать в ряд, братовья сидят —
Возвешенней зорь боевой наряд...

Расскажу я им, баснослов-баян,
Что в родных степях поредел туман,
Что сокрылися гады, филины,
Супротивники пересилены,

Что крещеный люд на завалинах,
Словно вешний цвет на прогалинах...

Ах, не в руку сон! Седовласый бор
Чуда-терема сторожит затвор:
На седых щеках слезовая смоль,
Меж бровей-трущоб вещей думы боль.

Галка-староверка ходит в черной ряске,
И лапотках с оборой, в сизой подпояске.
Голубь в однорядке, воробей в сибирке,
Курица-ж в салопе — клёванные дырки.
Гусь в дублёной шубе, утке-ж на задворках
Шеголять далось в дедовских опорках.

И галочки потёмки, взгромоздясь на жёрдки,
Взлет, нахохлив зобы, курицы-молодки; —
Там пегух-кудесник, запахнувшись в саван,
Видит звездный бисер, чует травный ладан.

На погосте свечкой теплятся гнилушки,
Лялется леший лапоть на опушке,
Возлежит в оёке проклятый младенчик...
Ждет, чтоб зорька нарядилась в венчик.

Зари нарядов три-девять укладок...
В тишине ночи сон куриный сладок:

Спят монашка-галка, воробей-горошник...
Но едва забрезжит заревой кокошник —
Звездочет крылатый трубит в рог волшебный:
„Пробудитесь, птицы, пробил час хвалебный!
И, пернатым брашно, на бугор, на плёсо,
Рассыпает солнце золотое просо!“

ВЕШНИЙ НИКОЛА.

Как лестовка в поле дорожка,
Заполье-ж финифти синей.
Кручинюсь в избе у окошка
Кручиной библейских царей.

Давид убаюкал Саула
Пастушеским красным псалмом,
А мне от елового гула
Нет мочи ни ночью, ни днем.

В тоске распахнула оконце: —
Все празелень хвой, да рябь вод.
Глядь, в белом, худом балахонце,
По стёжке прохожий идет.

Помыслила: странник на Колу,
Поднасок, иль Божий Бегун,
И слышу: „я Вешний Никола“ —
Уладней сказительных струн.

Было мне виденье, сестрицы,
В сне тонцем, под хвойный канон, —
С того-ль гомонливы синицы,
Крякуши и гусь-рыбогон.

Плескучи леши и сороги
В купели финифтяных вод,
„Украшенные вижу чертоги“ —
Верба-клирошанка поет?

От кудрявых стружек тянет смолю,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотник тешет колья
На слова медлителен и скуп.

Тёпел паз, захватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шоломок.
Будут рябью писаны подзоры,
И лудянкой выпестрен конёк.

По стене, как зернь, пройдут зарубки:
Сукрест, лапки, крапица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красной шубке
Ночь и сонь мерещились—легки.

Крепкогруд строитель - тайновидец,
Перед ним щепы, как письмены:
Лепнет резная лава с крылец,
Врезает ярь с наличника окна.

И когда очёсками кудели
Над избой взлохматится дымок —
Сказ пойдет о Красном Древоделе
По лесам, на запад и восток.

* * *

Посмотри, какие тени
На дорогу стелют вязы!
Что нам бабушкины пени,
Деда нудные рассказы.

Убежим к затишью речки
От седой, докучной ровни...
У тебя глаза, как свечки
В полусумраке часовни.

Тянет мятою от сена,
Затуманились покосы.
Ты идешь, бледна, как пена,
Распустив тугие косы.

Над рекою ветел лапы,
Тростника пустые трости.
В ниюке тулья от шляпы: —
Не вчерашнего ли гостя?

Он печальнее, чем ели
На погосте, в час заката...
Ты дрожишь, белей кудели,
Вестью гибели объята.

Ах, любовь, как воск для лепки,
Под рукою смерти тает!...
„Святой Боже, святой крепкий“
Вяз над омутом вздыхает.

Разохалась старуха
Про молодость, про ад.
В зените горы пуха
Пролиться норовят.

Нет моченьки на кроснах
Ткать белое рядно.
Расплакалося в соснах
Пурги веретено.

Любовь, как нитку в бёрде,
Упустишь — не найдешь.
Запомнилось твердо,
Что был матер, пригож.

Под таежным медведем
Погиб лихой лесник...
Паакучих дум соседям
Не вымолвил язык.

Всё выплакано кроснам —
Лощеному рядну.
Не век плясать по соснам
Пурги веретену.

Изба — гнездо тетерье,
Где жизнь, как холст доткать...
А тучи ронят перья
В лесную темь и гать.

Дымно и тесно в избе,
Сумерки застыт оконце,
Верь, не напрасно тебе
Грезятся небо и солнце.

Пряжи слезой не мочи,
С зимкой иссякнет куделя...
Кот, задремав на печи,
Скажет нам сказку про Леля.

„На море остров Буян,
Терем Похитчика-Змея“...
В поле редает туман,
Бор зашептался, синея.

„Идет ко терему Лель,
Меч-кладенец наготове“...
Стукнул в оконце Апрель —
Вестник победной любви.

* * *
Невесела нынче весна,
В полях безголосье и дрема,
Дымится, от ливней черна,
На крышах избенок солома.

Окутала сизая муть
Реку и на отмели лодку.
Как узника, тянет взглянуть
За пасмурных облак решетку.

Душа по лазури грустит,
По ладону ландышей, кашек.
В лиловых потемках ракит
Не чуется щебета пташек.

Ужель обманула зима,
И сны, что про солнце шептали?
Плывут облаков терема
В рябые, потусклые дали.

Талы избы, дорога,
Буры пни и кусты.
У лосяного лога
Четки елей кресты.

На завалине лыжи
Обсушил полудняк.
Снег дырявый и рыжий,
Словно дедов армяк.

Зорька в пестрядь и лыко
Ридит сучья раки.
Кузовок с земляникой—
Солнце метит в зенит.

Дител—пух колотушка—
Дразнит стуком клеста,
И глухарья ловушка
На сегодня пуста.

* * *

Ветхая ставней резьба,
Кровли узорный конек.
Тебе, моя сказка, судьба
Войти в теремок.

Счастья-Царевны глаза
Там цветут в тишине,
И пленных небес бирюза
Тоится в окне.

По зиме в теремок прибреду
Про свои поведать вины,
И глухую старуху найду
Вместо синей звенящей весны.

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь, лучезарно светла,
Правишь горним, неведомым градом.

Я нездешним забыться готов,
Ты всегда баснословной казалась,
И багрянцем осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи:
Разве зори — не ласка твоя,
И лучи — не твои поцелуи?

* * *

Косогоры, низины, болота,
Над болотами ржавая марь.
Осыпается рощ позолота,
В бледном воздухе ладона гарь.

На прогалине теплятся свечи,
Озаряя узорчатый гроб,
Бездыханные девичьи плечи,
И молитвенный, с венчиком, лоб.

Осень — с бледным челом инокия —
Над покойницей правит обряд.
Даль мутна, речка призрачно синя,
В роще дятлы зловеще стучат.

* * *

Октябрь-петух медянозобый
Горланит в ветре и в лесу:
Я в листопадные сугробы
Яйцо снеговое снесу.

И лес под клювом петушиным
Дырявым стал. Курятник туч
Сквозит пометом голубиным,—
Мол Духа Божьего не мучь.—

Снести яйцо на первопутки
Однажды в год тебе дано...
Как баба выткала за сутки
Реченка сизое рядно.

Близки дубленые Покровки,
Коровьи свадьбы, конский чёс.
И в звездной кузнице, дляковки,
Плетется облачный обоз.

* * *

Болесть, да засуха,
На скотину мор.
Горбясь, шьет старуха
Мертведу убор.

Холст ледащ наощупь,
Слепы нить, игла...
Как медвежья поступь
Темень тяжела.

С печи смотрят годы
С карлицей-судьбой.
Водят хороводы
Тучи над избой.

Мертвый дух несносен,
Маята и чад.
Помялища сосен
В небеса стучат.

Глухо Божье ухо,
Свод надземный толст.
Шьет, кляня, старуха
Поминальный холст.

* * *

Чу! Перекатный стук на гумнах,
Он по заре звучит, как рог.
От бед, от козней полоумных
Мой вещий дух не изнемог.

Я всё такой же, как в столетях,
Широкогрудый удалец...
Знать, к солнцепеку на поветях
Рудеет утренний багрец.

От гумен тянет росным медом,
Дробь молотбы—могучий рог.
Нас подарил обильным годом
Сребробородый, древний Бог.

* * *

Снова поверилось в дали свободные,
В жизнь, как в лазурный, безгорестный путь,
Помнишь ракиты седые, надводные,
Вздохи туманов, безмолвия жуть?

Ты повторяла: „туман — настоящее,
Камоден, хмур и зловеще глубок,
Сердцу пророчит забвенье целящее
В зелени ив пожелтевший листок“.

Явно безбольною стало пророчество:
Просишь небес, и снега за окном.
В хижине тихо. Покой, одиночество —
Всё нагорным, свежительным сном.

* * *

Набух, оттаял лед на речке,
Стал пегим, ржаво-золотым,
В кустах затеплились свечки,
И засинел кадильный дым.

Березки — бледные белички,
Потупясь, выстроились в ряд.
Я голоску веснянки-птички,
Как материнской ласке, рад.

Природы радостный причастник,
На облака молюся я,
На мне иноческий подрясник
И монастырская скуфья.

Обету строгому неверен,
Ушел я в поле к лознякам,
Чтоб поглядеть, как мир безмерен,
Как луч скользит по облакам.

Как пробудившиеся реки
Бурлят на талых валунах,
И невидимка теплит свечки
В нагих, дымящихся кустах.

* * *

Пушистые, теплые тучи,
Над плёсом соловая марь.
За гатью, где сумрак дремучий,
Трезвонит Лесной Понамарь.

Плывут вечевые отгулы...
И чудится: витязей рать,
Развеса по ельнику тулы,
Во мхи залегла становать.

Осенняя явь Обонежья,
Как сказка, баюкает дух.
Чу, гул... Не душа ли медвежья
На темень расплакалась вслух?

Иль чует древесная сила,
Провидя судьбу наперед,
Что скоро железная жила
Ей хвойную ризу прошьет.

Зовут эту жилу Чугункой,—
С ней лихо и гибель во мгле...
Подъёмыш с Ольховой лазункой
Таятся в родимом дупле.

Тайга — Боговидящий инок,
Как в схиму, закуталась в марь.
Природы великий поминог
Вещает Лесной Понамарь.

Возят щебень, роют рвы,
Понукают лошадемок.
От встревоженной травы
Дух идет, горяч и тонок.

В лысый пенек оборотясь,
На людей дивится леший:—
Где дремали топь и грязь,
Там снуют ездок и пеший.

И береза, зелень кос
Гребню ветра подставляя,
Как вдова, бледна от слез:
— Тяжела-де участь злая.

Камни-очи луговин
От тоски посоловели,
Прячут изморозь седин
Под кокошниками ели.

И звериный бог Медост
Пришлецам грозит корягой:
Мол пробить до первых звезд,
Опосля уйти ватагой.

Вот и звезды, как грибы,
На опушке туч буланных...
Втора снам лесной избы,
Дед бранит гостей незваных:

„Принесло лихую рать,
Зайцу филина-соседа!..“
И с божницы Богомать
Смотрит жалостно на деда.

А над срубленной сосной,
Где комары зой и плясы,
„Со святыми упокой“
Шепчет сумрак седовласый.

* * *

Обозвал тишину глухоманью,
Надругался над белым „молчи“,
У креста простодушною данью
Не поставил сладимой свечи.

В хвойный ладон дохнул папирсой
И плевком незабудку обжег;—
Зарябило слезинками плёсо,
Сединою занидевел мох.

Светлый отрок — лесное молчанье,
Помолясь на заплаканный крест,
Закатилось в глухое скитанье
До святых, незапятнанных мест.

Заломила черемуха руки,
К норке путает след горностаи...
Сын железа, и каменной скуки
Попирает берестяный рай.

* * *

От дремы, от теми-вина
Накренились деды-овины.
Садится за прясло луна,
Как глаз помутнело-совиный.

На просини елей кресты,
Узорно литье и чеканка...
Пробрезжило. Будит кусты
Заливчатым криком зарянка.

Загукала в роще желна,
Витлюк потянул на болото...
В избе заслюдела стена,
Как риза, рябой позолотой.

Встречая дремучий рассвет,
В углу, как святой безымянный,
По лестовке молится дед,
Пелесым лучом осиянный.

Радость видеть первый стог,
Первый сноп с родной полоски,
Есть отжиночный пирог
На меже, в тени березки. —

Знать, что небо в вечеру
Над избой затеплит свечки,
Лики ангелов в бору
Отразят лесные речки.

Счастье первое дитя
Усыплять в скрипучей зыбке,
Темной памятью летя
В край, где песни и улыбки.

Уповать, что мир потерь
Канет в сумерки безвестья,
Что, как путник, стукнет в дверь
Ангел с ветвью благовестья.

Запечных потемок чурается день; —
Они сторожат наговорный кистень, —
Зарыл его прадед-повольник в углу,
Приставя дозором монашенку-мглу.

И теплится сказка... Избе лет за двести,
А всё не дождется от витязя вести.
Монашка прядет паутины кудель...
Смежает зеницы небесная бель.

Наша засыпает... С узорной божницы
Взирают Микола и сестры Седмицы,
Из матице ожила карлиц гурьба,
Топтыгин с козой — избяная резьба.

Вот, в горенке стол самобранкой накрыт,
Из лапке разбойника дочка сидит,
Из ней пяташовка, из гривен блесня,
Вот же понурей осеннего дня.

Ткачиха - метель напевает в окно:
На саван повольнику ткися рядно; —
Лежит он в логу, окровавлен чекмень,
Не выведал ворог про чудо-кистень...

Колотится сердце... Лесная изба
Глядится в столетья, темна как судьба,
И пестун былин, разоспавшийся дед,
Спросонок бормочет про Тутушний Свет.

Сготовить деду круп, помочь развесить сети,
Лучину засветить, и слушая пургу,
Как в сказке, задремать на тридцать столетий,
И Садко оборотясь, иль в вещего Вольгу. —

Гей, други! Не в бою, а в гуслях нам удача; —
Половке-игруну претит вороний грай...
Палатей смотрит Жуть, гудит, как било Лаче,
Деду под кошмой приснился красный рай. —

Аи горы-куличи и сыченые реки,
Часк и гагар по мисе янцо...
Лучина точит смоль, смежив печурки-веки,
Полонью дышит печь — ночной избы лицо.

А уж рыжеет даль, пурговою метлищей
Свет сметает темь, как из сусека сор,
Тихо, как сова, спеша засесть в дуплище,
Гудит и шипит на солнечный костер.

Почуя скитный звон, встает с лежанки бабка,
Над ней пятно зари, как венчик у святых,
А Лаче ткет валы, размашисто и хлябко,
Теряся во мхах и в даях ветровых.

В овраге снежные ширинки
Дырявит посохом закат,
Полощет в озере, как в кринке,
Плеща на лес, кумачный плат.

В расплаве мхов и тине роясь, —
Лесовику урочный дар, —
Он балахон и алый пояс
В тайгу забросил, как пожар.

У лесового нос — лукошко,
Волосья — поросли раakit...
Кошель с янтарною морошкой
Луна забрезжить норовит.

Зарит... Цветет загозье лыко,
Когтист и свеж медвежий след,
Озерко — туес с земляникой,
И вешний бор — за лаптем дед.

Дымится пень, ему лет со сто,
Он в шапке, с сивой бородой...
Скрипит лошное берёсто
У лаптевяза под рукой.

Черны проталины. Навозом,
Капустной прелью тянет с гряд.
Ушли Метелица с Морозом,
Оставив Марту снежный плат.

И за неделю Март-портняжка
Из плата выкроил зипун,
Наделал дыр, где пол запашка,
На воротник нашил галуни.

Кому достанется обнова?..
Трухлявы кочки, в поле сырь.
И на заре, в глуши еловой,
Как ангелок, поет снигирь.

Капели реже, тропки суше,
Ручьи скатились в долок...
Глядь, на припёке лен кукуший
Подувает сизый огонёк.

Облиняла буренка,
На задворках теплынь,
Сосунка-жеребенка
Дразнит вешняя синь.

Преют житные копны,
В поле прѣбель и зель...
Чу! Не в наши ли окна
Постучался Апрель.

Он с вербой монашек,
На груди образок,
Легкозвоннее пташек
Ветровой голосок.

Обрядись в пятишовку,
И пойдем в синь и гать
Солнце Божью коровку
Аллилуйем встречать.

Прослезиться у речки,
Погрустить у бугров...
Мы — две белые свечки
Перед ликом лесов.

* * *

Осинник гулче, ельник глуше,
Снега туманней и скудней.
В пару берлог разъели уши
У медвежат ватаги вшей.

У сосен сторожки вершины,
Пахуч и бур стволов янтарь.
На разопрелые низины
Летит с мошнухою глухарь.

Бреду зареющей опушкой, —
На сучьях пляшет солнцопёк.
Вон, над прижухлою избушкой
Виляет беличий дымок.

Там коротают час досужий
За думой дед, за пряжей мать...
Бурлят ключи, в лесные лужи
Глядится пней и кочек рать.

* * *

Я дома. Хмарой тишиной
Меня встречают близь и дали.
Тепла лежанка, за стеной
Старухи-ели задремали.

Их не добудится пурга,
Ни зверь, ни окрик человеческий...
Чу! С домовихой кочерга
Зашепелявили у печи.

Какая жуть. Мошник-петух
На жердке мреет, как куделя,
И отряхает зимний пух —
Предвестье буйного Апреля.

* * *

Не в смерть, а в жизнь введи меня,
Тропа дремучая лесная!
Привет вам, братья-зеленя,
Потемки дупел, синь живая!

Я не с железом к вам иду,
Дружась лишь с посохом да рясой,
Но чтоб припасть в слезах, в бреду
К ногам березы седовласой,

Чтоб помолиться лику ив,
Послушать пташек-клирошанок,
И, брашен солнечных вкусив,
Набрать младенческих волвянок.

На мху, как в зыбке, задремать
Под баю-бай осиплой ели...
О, пуца-матерь, тучки прядь,
Туман, пушистее кудели,

Как сладко брагою лучей
На вашей вечери упиться,
Прозрев, что веткою в ручей
Душа родимая глядится!

* * *

астрепало солнце волосы —
Без кудрей, мол, я пригоже,
На продрогший луч и полосы
Стелет блестящие рогожи.

То обшарит куст ракитовый,
То распляшется над речкой!..
У соседок не пытай:
Близко милый, аль далечко. —

За Онежскими порогами
Есть края, где избы — горы,
Где щетина труб с острогами
Застят росные просторы.

Там могилушка бескrestная
Безголосьем кости нежит,
И луна, как свечка местная,
По ночам над нею брезжит. —

Привиденьем жуть железная,
Запахнувшись в саван, бродит; —
Не с того-ль, моя болезная,
Солнце тучи хороводит?

Аль и солинышко отмыкало
Болесть нив и бездорожий,
И земле в поминок выткало
Золоченые рогожи.

На темном ельнике стволы берез —
На рытом бархате девические пальцы.
Уже рябит снега, и слушает откос,
Как скут струю ручья невидимые скальцы.

От лыж неровен след; покинув темь трущоб,
Бредет опушкой лось, вдыхая ветер с юга,
И таежный звонарь — хохлатая лешуга, —
Усевшись на суку, задорно пучит зоб.

* * *

Под низкой тучей вороний грай,
За тучей брезжит Господний рай.
Вороньи пени на горний свет
Под образами прослышал дед.

Он в белой скруте, суров пробор,
Во изоре просинь и рябь озёр...
Не каркай, ворон, тебе на снесь
Сечное юдо притащит сеть!

Поделят внуки счастливый лов,
Самостых торпиц, язей, сига...
Мая погоста притин от бурь —
Ты, как рыба, всплеснет в лазурь.

Не будет деда, но будет сказ,
Съедон кувшинок в лебяжий час,
Съедон в просонки и в хмару вод
Плененный лебедь подруг ведёт...

Дыряв и хлябок небесный плат,
Лесным гарищем чадит закат.
Изба, как верша... Лучу во след
В то-светный сумрак отходит дед.

Лесные сумерки — монах
За узорочным часословом,
Горят заставки на листах
Сурьюю, в золоте багровом.

И богомольно старцы-пни
Внимают звукам часословным.
Заря, задув свои огни,
Тускнеет венчиком иконным.

Лесных погостов старожил,
И молодею в вечер Мая,
Как о судьбе того, кто мил,
Над палой пихтою вздыхая:

Забвень светлое тебе,
В многопридельном хвойном храме,
По мощной жизни, по борьбе,
Лесными ставшая мощами!

Смывает кинозврь стволов
Волна финифтяного мрака,
Но строг и вечен часослов
Над котловиною, где рака.

* * *

Оттепель — баба хозяйка,
Лог, как белёная печь.
Тучка — пшеничная сайка
Хочет сытою истечь.

Стряпке всё мало раствора,
Лапти в муке до обор.
К посоху дедушки-бора
Жмется малютка-сугор: —

„Дед, пробудися, я таю!
Нет у шубейки полы“. —
Дед же спросонок: „Знать к Маю
Смолюю дохнули стволы“.

„Делушка, скоро-ль сутёмки
Носу заре доплетут?..“
Дед же: „Сыреют в котомке
Чай и огниво и трут. —

Нет по проселку проходу,
Всюду раствор, да блины*...
В вешнюю полую воду
Думы, как зори, ясны.

Ждешь, как вестей жаворонка,
Ловишь лучи на бегу...
Чу! Гроыхает заслонка
В теплом, разбухшем догу.

Лынянокудрых тучек бег —
Перед ведреным закатом.
Детским телом пахнет снег,
Затенённый пнем горбатым.

Луч — крестильный образок
На валежину повешен,
И ребячий голосок
За кустами безутешен.

Под березой зыбки скрип,
Ельник в маревных пелёнках...
Кто родился, иль погиб
В лынянокудрых сутемёнках?

И кому, склонясь, козу
Строит зорька - повитуха?..
„Поспрошай куму-лозу“
Шепчет пихта, как старуха.

И лоза, рядясь в кудель,
Тайну светлую открыла:
„На заранке я Апрель
В снежной лужице крестила“.

Теплятся звезды-лучинки,
В воздухе марь и теплынь. —
Веселы будут отжинки,
В скирдах духмянна полынь.

Спят за омежками риги,
Роща — пристанище мглы. —
Будут пахучи ковриги,
Зимние избы теплы.

Минет пора обмолота,
Пуща развихрит листы. —
Будет добычна охота,
Доски на слищах холсты.

Месiac засветит лучинкой,
Сарнишет под лаптем снежок...
Колобы будут с начинкой,
Парень матёр и высок.

* * *

Сегодня в лесу именины,
На просеке пряничный дух,
В багряных шугаях осины
Умильной причастниц-старух.

Пышной кулича муравейник,
А пень, как с наливкой бутылъ.
В чаще именинник-затейник
Стоит, опершись на костыль.

Он в синем, как тучка, кафтанце,
Бородка — очёсок клочок;
О лете сынке-голодранце
Тоскует лесной старичок.

Потрафить приятельским вкусом
Он ключницу-осень зовёт...
Прикутано старой бурнусом
Спит лето в затишье болот.

Пусть осень густой варенухой
Обносит трущобных гостей; —
Ленивец, хоть филин заухай,
Не сгонит дремоты с очей!

* * *

Уже хоронится от слезки
Прыскающий заяц... Синь и стыть,
И нечем голые колешки
Березке в изморозь прикрыть.

Лесных прогалин скатеретка
В черничных пятнах; на реке
Горбуньей-девушкою лодка
Грустит и старится в тоске.

Осина смотрит староверкой,
Как четки, листья обронив;
Забыв хомут, пасется „Серко“
На глади сонных, сжатых нив.

В лесной избе покой часовни —
Труда и светлой скорби след...
Как Ной ковчег, готовит дровни
К веселым заморозкам дед.

И ввечеру, под дождик сыпкий —
Знать, заплутав в пустом бору —
Зайченок-луч, прокравшись к зыбке,
Заводит с первенцем игру.

СМЕРТЬ РУЧЬЯ.

Туча — ель, а солнце — белка
С раззолоченным хвостом,
Синева — в плату сиделка
Наклонилась над ручьём.

Голубеют воды - очи,
Но не вспыхивает в них
Прежних удали и мочи,
Сновидений золотых.

Мамка кажет: „Эво, елка!
Хворь, дитя, перемоги“...
У ручья осока — челка,
Камни — с доском сапоги.

На бугор кафтан заброшен,
С чернью петли, ал узор,
И чинить его упрощен
Пропитуха мухомор.

Что наштопает портняжка,
Всё ветшает, как листья; —
На ручье-ж одна рубашка,
Да посконные порты.

От лесной, пролетней гари
Веет дремою могил...
Тише, люди, тише, твари, —
Светлый отрок опочил!

Ель мне подала лапу, береза серьгу,
Тучка канула перл, просияв на бегу,
Дрозд запел „Блажен муж“ и „Кресту Твоему“.
Утомилась осина вязать бахрому.
В луже крестит себя обливанец-бекас,
Ждет попутного ветра небесный баркас:
Уж натянуты снасти, скрипят якоря,
Закудрявились пеной Господни моря,
Вот и сходню убрал белокрылый матрос...
Не удачлив мой путь, тяжек мысленный воз;
Кобылица-душа тянет в луг, где цветы,
Мята слов, древозвук, купина красоты.
Там, под Дубом Покоя, накрыты столы,
Пиво Жизни в судёях, и гости светлы —
Три пришельца, три солнца, и я — Авраам.
Словно ива ручью, внемлю росным словам:
„Родишь сына — звезду, алый песенный сад“.
Где не властны забвенье и дней листовая,
Где береза серьгою и лапою ель
Тиховейно колышут мечты колибель.

МИРСКИЕ ДУМЫ

И этот год за святыми обеднями
Строже лики и свечи чадней,
И выходят на паперть последними
Детвора да гурьба матерей.

На завалинах рать сарафанная,
Что ни баба, то горе-вдова;
Вечерами же мгица багряная
Фонимальные шепчет слова.

Идеалки, как трапеца братская, —
Взлет по брови, посаушней кудель,
Изредка мать солдатская
Выводит причитаний свирель:

Гонимый, моя дума болезная,
Возм-птицею в сыр-темен бор"...
Возм-птицею-ж поступь железная —
Возм-птицею Егорьев дозор.

Ненароком заглянешь в оконницу—
Видишь въявь, как от северных вод
Копьеносную звездную конницу
Страстотерпец на запад ведет.

Как влачит по ночным перелесицам
Сполох-конь аксамитный чапрак,
И наобликом ясным, как месяцем,
Брезжит в ельник, пугаючи мрак.

1915 г.

Что ты, нивушка, чернешенька,
Как в нужду кошель порожнешенька,
Не вырастила ты ржи-гуменицы,
А снелгала — к солнцу выгнала
Подняк-траву, с горькой пестушкой?

Оттого я, свет, чернотой пошла,
По омежикам замуравела,
Что по ведру я не косулена,
После белых рос не боронена,
Рожью низовой не засеяна...

А что ты, изба, пошатилася,
Порежа-угара, аль с выпивки,
Аль с поодних просонок расхамкавшись,
Вечер до ужина чешешь пазуху,
А открещь ворот — рта беззубого,
Аль в сторону шолом-голову?

Оттого я, свет, шатуном гляжу,
Не смыкаю рта деревянного,
Что от бела дня до полуночи
„Воротись“ вопю доможирщику,
Своему ль избяному хозяину.
Вопия, надорвала я печени:
Глинобитную печь с теплым дымником.
Видно утушке горькой — хозяйюшке
Вековать придется без селезня...

Ты, дорога-путинушка дальняя,
Ярый кремь да супесь горячая,
Отчего ты, дороженька, куришься,
Обымаешься копотью каменной?
Али дождиком ты не умывана,
Не отерта туманом-ширинкою,
Али лапоть с клюкой-непоседаю
Больно колют стоверстную спинушку?

Оттого, человеке, я куревом
Замутилась, как плесо от невода,
Что по мне проходили солдатушки
С громобойными лютыми пушками.
Идучи, они пели: „лебедушку
Заклевать солетались вороны“,
Друг со другом крестами менялись,
Полагали зарок великие:
„Постоим-де мы, братцы, за родину
За мирскую Микулову пахоту,

За белицу-весну с зорькой-свеченькой
Над мощами полесий затепленной!.."
Стороною же, рыси лукавее,
Хоронясь за бугры да валежины,
Кралась смерть, отмечая на хартии,
Как ярыга, досрочных покойников.

Ах, ты, ель-кружевница трущобная,
Не чета ты кликуше осинушке,
Что от хвойного звона да ладона
Бьет в ладошки и хнычет по-заячьи,
Ты ж сплетаешь зеленое кружево
От коклюшек ресниц не здымаючи,
И ни месяц-проныра, ни солнышко
Не видали очей твоих девичьих.
Мояви, елушка, с горя, аль с устали
Ты верижницей строгою выглядишь?
Не топор ли тебе примерещился,
Печь с беленым, развалистым жарником:
Пышет пламя, с таганом бодается,
И горишь ты в печице, как грешница?

Оттого, человеке, я выгляжу
Срубом-церковкой в пуще забытою,
Что сегодня солдатская матушка
Подо мною о сыне молилася:
Она кликала грозных архангелов,
Лаву-Питенку с Теплым Николою,
Припадала, как к зыбке, к валежине,

Называла валежину Ванюшкой;
После мох, словно волосы, гладила
И казалась сосцы почернелые...
Я покрыла ее епитрахилью,
Как умела родную утешила...
Слезы ж матери — жито алмазное,
На пролете склевала кукушица,
А склевавши она спохватилась,
Что не птичье то жито, а Божие...
Я считаю ку-ку покаянные
И в коклюшках, как в требнике, путаюсь.

Без посохов, без злата
Мы двинулися в путь;
Пустыня мглой объята, —
Нам нигде отдохнуть.

Здесь войны погибли;
Лежат булат, щиты...
Пред нами вечных библий
Развернуты листы.

В божественные строки,
Дрожа, вникаем мы,
Слагаем, одиноки,
Орлиные псалмы.

О, кто поймет, услышит
Псалмов высокий лад?
А где-то росно дышит
Черемуховый сад.

За створчатою рамой
Малиновый платок, —
Туда ведет нас прямо
Тысячелетний рок.

Пахнуло смольным медом
С березовых лядин...
Из нас с Садко - народом
Не згинет ни один.

У Садко — самогуды,
Стозвонная молва;
У нас — стихи-причуды,
Заморские слова.

У Садко — цвет-призорник,
Жар-птица, синь-туман;
У нас — плакун-терновник,
И кровь гвоздинных ран.

Пустыня на утрате,
Пора исчислить путь,
У Садко в красной хате
От странствий отдохнуть.

НЕБЕСНЫЙ ВРАТАРЬ.

Как у кустышка у ракитова,
У колодечка у студеного,
Не донской казак скакуна поил, —
Молодой гусар свою кровь точил,
Вынимал с сумы полотенышко,
Перевязывал раны черные...
Уж как девять ран унимались,
А десятая, словно вар кипит...

С белым светом гусар стал прощаться,
Горючими слезьми уливаться:
"Ты прощай-ка, родимая сторонущка,
Что ль бажоная теплая семеюшка!
Уж вы, ангелы поднебесные,
Зажигайте-ка свечи местные, —
Ставьте свеченьку в ноги резвые,
А другую мне к изголовьицу!
Ты, смеретушка — стара тетущка,
Ты мне бела льна выпрядь душеньку".

Откуль-неоткуль добрый конь бежит,
На коне-седле удалец сидит,
На нем жар-булат, шапка-золото,
С уст текут меды — речи братские:
„Ты признай меня, молодой солдат,
Я дозор несу у небесных врат,
Меня ангелы славят Митрием,
Преподобный лик — Свет-Солунским.
Объезжаю я Матерь-Руссию,
Как цветы вяжу души воинов...
Уж ты стань, солдат, быстрой векшею,
Лазь на тучу-ель к солнцу красному.
А оттуль тебе мостовичина
Ко маврийскому дубу-дереву, —
Там столы стоят неуедные,
Толокно в меду, блинник масленый;
Стежки торные поразметены,
Сукна красные поразостланы“.

Луговые потемки, омежки, стога,
 На пригорке ракита—сохачьи рога,
 Захлебнулась тальянка горячею мглой,
 Голосит, как в поминок, семья по родной:
 „Та-ля-ля, та-ля-ля, ти-ли-ли.
 Сенокосные зори прошли,
 Август-дед, бородача снопом,
 Подарил гармониста ружьём.
 Мама, старый, не грызла б печаль,
 На родимой сторонушки жаль.
 Чует медное сердце мое,
 Что погубит париюгу ружье,
 Что от пули ему умереть,
 Мне ж поминные приплачки петь!..“
 Луговые потемки, как плат;
 Плывет с парня пригожий солдат,
 Только стог-бородач да поля
 Не слышат ночного „та-ля“...
 Плачем будя тишину,
 Плакала тальянка войну.

СОЛДАТКА.

Скучно молодешеньке у свекра жить в дому,
Мне питье в досадушку, еда не по уму,
Русы мои косыньки повысеклися,
Белые руки примозолилися,
Животы-приданое трунь взяла!

Погляжу я, беднушка, в стекольчато окно,
Не увижу ль милого за рядой во торгу.
Ах, не торг на улице, не красная гульба,
А лежит дороженька Коломенская!..

Как по этой ли дороге воевать милой ушел,
Издавеча слал поклоны, куньей шапкою махал,
На помин зеленой иве часто ветье заломал.
„Мол, пожди меня, сударка, покуль ива зеленая,
А как ива облетит, втымеж я буду убит.
Меня ветер отпоет, полуночь глаза сомкнет,
А поплачут надо мной воронье с коньяк
травой“

ОБИДИН ПЛАЧ.

В красовитый летний праздничек,
На раскат-широкой улице,
Будет гульное гулянье —
Пир — мирское столованье.
Как у девушек-согревушек
Будут подлужи плетеные,
Сарафаны золоченые,
У дородных добрых молодцев, —
Мигачей и заливчатчиков,
Перелетных зорких кречетов,
Будут шапки с кистью до уха,
Опояски соловецкие,
На семи шелков плетёные.
Только я, млада, на гульбище
Выйду в старо-старом рубище,
Нищим, лыком опоясана...
Стомонятся красны девушки —
Белолицые согревушки,
Как от торопа повального

Отшатятся на сторонушку.
Парни ражие, удалые
За куветы встанут талые.
Притулятся на завалины
Старики, ребята малые—
Диво-дивное увидючи,
Промежду себя толкуючи:
Чья здесь ведьма захудалая
Ходит, в землю носом клюючи?
Уж не горе ли голодное,
Лихо злое, подколенное,
Забежало частой рошею,
Корбой темною, дремучею,—
Через лягу—грязь топучую,
Во селенье домовитое,
На гулянье круговитое?
У нас время не догуляно,
Зелено вино не допито,
Девицы не доцелованы,
Молодцы не долюбованы,
Сладки пряники не съедены,
Серебрушки не доменены*...

Тут я голосом, как молотом,
Выбью звоны колокольные:
Не дарите меня золотом,
Только слушайте, крещёные!
Мне не спалось ночкой синею
Перед Спасовой заутреней.

Вышла к озеру по инею,
По росе медвяной, утренней.
Стала озеро выпрашивать,
Оно стало мне рассказывать
Тайну тихую, поддонную
Про святую Русь крещёную.
От озерной прибауточки,
Водяной потайной басенки,
Понабережье насупилось,
Пеной-саваном окуталось.
Тучка сизая проплакала —
Зернью горькою прокапала,
Рыба в заводах повытухла,
На лугах трава повывязбла...

Я поведаю на гульбище
Праздничанам-залихватчикам,
Что мне виделось в озёрышке,
Во глуби на самом донышке.
Из конца в конец я видела
Поле грозное, убойное,
Костяками унавожено.
Как на полюшке кровавоём
Головами мосты мощены
Из телес реки пропущены,
Вниз сердечушка с ружья паля,
О бока пуля пролятыва,
Над глазами искры сыплются...

Оттого в заветный праздничек,
На широкое гуляньице,
Выйду я, млада, непутною,
Встану вотдадь немогутною,
Как кручинная кручинушка,
Та пугливая осинушка,
Что шумит-поет по осени
Песню жалкую свирельную,
Ронит листья-слезы желтые
На могилу безымянную.

МИРСКАЯ ДУМА.

Не гуси в отлет собирались,
Не лебеди на озере скликались,—
Подымались мужики — Пудожане,
С заонежской кряжистой Карелой,
С каргопольскою дикой Лешнею,
Со всею полесной хвойною силой,
Постоять за крещёную землю,
За зеленую мать-пустыню,
За березыньку с вещей кукушкой...

На под ели два-десять вершинной,
От сеговя Муромского плёса,
Подымался Лазарь преподобный
Гатоборцам дать благословенье,
Провещать поганных одоление...
Звали Лазаря Лешане,
Звали Чудь и Пудожане:
Поточи нам, Лазаре всечудный,
За мирскую думу сказ медвяный:

Что помеха злему кроволитью
Ум-хитрец, аль песня-межеумка,
Белый воск, аль черное железо?"
Рек святой: „пятьсот годин в колоде
Почивал я, об уме не тщася,
Смерть моих костей не обглодала,
Из телес не выплавил сала,
Чтоб отлить свечу, чей брезг бездонный
У умерших теплится во взоре,
По ночному кладбищу блуждает,
Череп на плитах выжигая;
А железо проклято от века:
Им любовь пригвождена ко древу,
Сожаленью ребра перебиты,
Простоте же в мир врата закрыты.
Белый воск и песня-недоумка
Истекли от вербы непорочной:
Точит верба восковые слёзы,
И ведет зеленый тайный причит
Про мужицкий рай, про пир вселенский
Про душевный град, где „Свете тихий“
И тропарь зеленый кто учует,
Тот на тварь обуха не поднимет,
Не подрубит яблони цветущей,
И веслом бездушным вод не ранит“
Поклонились Лазарю Лешане,
Каргополы, Лопь и Пудожане:
„Сказ блаженный, как баю над вышкой
Что певала бабка Кунариха

У Дедери Храброго на свадьбе".
Был Дедеря лют на кроволитье;
После ж песни стал, как лес осенний,
Сердцем в воск, очами в хвой потемки,
А кудрями в прожелть листопада.

Кабы я не Акулиною была,
Не Пахомовной по батюшке слыла,
Не носила б пятишовки с галуном,
Становицы с оподольником,
Еще чалых кос под сборником, —
Променяла бы я жарник с помелом
На гнедого с плящим огненным ружьём,
Ускакала бы со свекрова двора
В чужедальщину, где вражьи хутора,
Где станует бусурманская орда,
Словно выдра у лебяжьего гнезда;
Разразила бы я огненным ружьём
Супротивника с нахвальщиком-царём.
„Не хвались де, снаряжаючись на рать,
На крещеную мирскую благодать,
Лучше выдай ка за черные вины
Из ордынской государевой казны
На мужицкий полк алтынов по лубку,
А на бабий чин камлоту по куску,

Старикам по казинетовым портам,
Бабкам-кляушницам по красным рукавам;
Еще дитятку Алешеньке
Зыбку с пологом алешеньким,
Чтобы полог был исподом канифас,
На овершьи златоризый чудный Спас,
По закроткам были б рубчаты мохры,
Чтобы чада не будили комары,
Не гусело б его платьице
В новой горенке на матице!»

ПОМИННЫЙ ПРИЧИТ.

Покойные солдатские душеньки
Подымаются с поля убойного:
До подкустья они — малой мошкою,
По надкусью же — мглой столбовитою,
В Божьих воздухах синью мерещатся,
Подают голоса лебединые,
Словно с озером гуси отлётные,
С свято-русской сторонкой прощаются.

У заставы великой, предсолнечной,
Входят души в обличие плотское,
Их встречают там горние воины
С грознокрылым Михайлом архангелом,
По три-краты лобзают страдателей,
Изгоняют из душ боязнь смертную.
Опосля их ведут в храм апостольский
По своим телесам окровавленным
Отстоять номинальную службу.
Правит службу им Аввакум пророк,

Чтет писание Златоуст Иван,
Херувимский лик плещет гласами,
Солнце-колокол точит благовест.

Как улягутся веи сладкие,
Сходит Божий Дух на солдатушек,
Словно теплый дождь озимь ярую,
Насыщая их брашном ангельским,
Горечь бранных дней с них смываючи,
Раны черные заживляючи...

На последки же громовник Илья,
Со Еремою запрягальником,
Сваряжают им поезд огненный, —
Звездных меринов с колымагами,
Отвезти гостей в преблаженный рай,
Где страдателям уготованы
Домы красные, избы новые,
Канарисовым тесом крытые,
Пожни сенные — виноград-травы,
Пашни вольные, бесплатежные —
Для солдатушкам уготовано,
Для добрым душенькам облюбовано.

Гей, отзовитесь, курганы,
Клады, седые кремни, —
Злым вороньем басурманы
Русский рубеж облегли!

Чуется волчья повадка,
Рысье мяуканье, вой...
Аль булавы рукоятка
С нашей не дружна рукой?

Али шишак златолобый
Нам не по ярую бровь?
Пусть богатырские гробы
Кроет ковыльная повесть, —

Муромцы, Дюки, Потоки
Русь и поныне блюдут...
Чур нас! Вещуны-сороки
Щокот недобрый ведут,

В сутемень плачут гагары,
Заяц валежник грызет, —
Будут с накладом товары,
Лют на поганных поход.

Гром от булатных ударов
Слаще погудной струны...
Радонеж, Выгово, Саров, —
Наших имен баюны.

Гей, отзовитесь, деды, —
Правнуков меч не ослаб!
Витязю после победы
Место в светелке у баб.

Ждут его сусло, что пенник,
Гребень-шептун перед сном,
В бане ж духмянистый веник,
Шайка с резным ободком.

Хата чужбины не плоше,
К суслу кто ж больно охоч, —
С первой веселой порошей
Зыбку для первенца прочь.

Ярого кречета раны
Сыну-орлу не в изъян...
Мир вам, седые курганы,
Тучи, сказитель-бурьян!

1915 г.

СКРЫТЫЙ СТИХ.

По крещеному Белому Царству
Прозегла великая дорога,
Протекла кровавая пучина —
Есть проход лихому человеку,
Что ль проезд ночному душегубу.
Только нету вольного проходу
Тихомудру Божью пешеходу.
Как ему — Господню — путь засечен,
Завален проклятым Черным Камнем

Из песен олонечких скрытников.

Не осенний лист падья-падет,
Не березовый наземь валится,
Не костер в бору по моховищам
Стелет саваном дымы-пажегу, —
На Олон реку, на Секир гору
Соходилася нища братия. —
Как Верижники с Палеострова,
Возгорельщики с Красной Яг्रेмы,

Солодяжники с речки Андомы,
Крестоперстники с Нижней Кудамы,
Толоконники с Ершедами,
Бегуны-люди с Водохлебами,
Всяка сборища-Богомольщина:
Становилася нища братия
На велик камень, со которого
Бел плитняк плитят на могилица,
Опосля на нем—внукам памятку—
Пишут теслами год родительский,
Чертят прозвище и изочину,
На суклин щербят кость Адамову...

Не косач в силке ломит шибанки,
Черный пух роня, кровью капая,
Не язвец в норе на полесника
Смертным голосом кличет Ангела,—
Что ль звериного добра пестуна,—
Братья-старища свиховались,
О булыжину лбами стукнули,—
Уху Спасову вестку подали:
Ты, Пречистый Спас, Саваофов Сын,—
Не поставь во грех воздыхания:
Аз мы Тебе не служители,
Нищей лепоты не рачители,
Не плакиды мы, не радельщики,
За крешеный мир не моельщики,
Что нашло на нас время тесное,
Чтоде нищему куса вымолить,

Малу луковку во отишы съестъ?—
Во посад идти, — там табашники,
На церковный двор, — всё щепотники,
В поле чистое, — там Железный Змий,
Ко синю морю, — в море Чудище!

Железняк летит, как гора валит,
Юдо водное Змию побратень:
У них зрак — огонь, вздохи — торопы,
Зуб — литой чугун, печень медная —
Запропасть от них Божью страннику,
Зверю, птичине на убой пойти,
Умной рыбице в глубину спляснуть!*

Покуль старища Спасу плакались,
На кажину тварь легота нашла:
Скокнул заюшка из-под кустышка,
Вышел журушка из болотины,
Выдра с омута наземь вылезла,
Лещ по заводи пузыри пустил,
Ель на маковке крест затеплила.
Как на озере Пододонница,
Зелень кос чеша, гребень выронит,
И пойдет стозвон по зажоринам,
Через гатища, до матерых луд,
Где судьба ему в прах рассыпаться,
Засинеть на дне ярым жемчугом, —
Так молельщикам Глас почуялся:
„Погублю Ум Зла Я Умом Любви,

Положу препон силе Змиевой,
Проращу в аду рощи тихие,
По земле пушу воды сладкие, —
Чтобы демоны с человеками
Перстнем истины обручились,
За одним столом преломляли б хлеб
И с одних деревьев плод вкушали бы!..»

Старцы Голосу поклонились,
Обоюдный труд взяли в розмысел:
Отшатиться им на крещену Русь, —
По лугам идти — муравы не мять,
По леса ступить — зверю мир нести,
Не держать огня, трута с плоткою,
Что ль того ножа подорожного,
Когда Греть гремит, Тороп с Вихорем
И грозовом бою ломают палицы,
Поровят сконать Птицу-Фиюса,
Шошный пух с нее снегом выперхать,
Кровь заре отдать, гребень — сполоху,
А посмертный грай волку серому, —
Или меж пахарю тайн не сказывать.
Или тогда вести речи вещие,
Когда солнышко засутежится,
И черница-темь сядет с пяльцами
Или оконце шить златны воздухи, —
Забь в простых словах бранный гром гремел,
Или в присловьях буря чуялась,
Или в пословице ж клекот коршуна,

Как душа в груди, ясно слышался, —
Чтоб позналась мочь несусветная,
Задолело бы гору в пястку взять,
Сокрушить ее, как соломину.

СЛЕЗНЫЙ ПЛАТ.

Не пава перо обронила,
Обронила мать солдатская платочек,
При дороженьке слезный утеряла.
А и дождиком плата не мочит,
Подкопытным песком не заносит...
Шел дорогой удалый разбойник,
На платок, как на золото, польстился —
За корысть головой поплатился.
Проезжал посиделец гостинный,
Потеряжку почел за прибыль —
Получил перекупный убыток...
Пробирался в пустыню калика,
Неугасною свеченькой в шуйце,
На устах с тропарем переходим;
На платок он умильно воззрился,
Назначал его честной слезницей:
Ай же плат, много в устье морское
Затек речек, да счет их известен,
На тебе ж, словно рос на покосе,

Не исчислить болезных слезинок!
Я возьму тебя в красную келью
Пеленою под Гуриев образ,
Буду Гурию-Свету молиться
О солдате в побоище смертном, —
Чтобы вражья поганая сабля
При замашке закал потеряла,
Пушки-вороны песенной думы
Не вспугнули бы граем железным,
Чтоб полесная яблоня-песня,
Чьи цветы плащаницы духмяней,
На Руси, как веха зеленела,
И казала бы к раю дорогу!"

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ И О ТРЕХ
ПТИЦАХ БОЖИИХ.

Как по озеру бурливому,
По Онегушку шумливому,
На песок-луду намойную,
На коряжину надводную,
Что ль на тот горячий камешек, —
Прибережный камень муромский, —
Птицы вестие слетались,
От туманов отряхались.
Перва птица — Куропь снежная,
Друга — черная Габучина,
А как третья птица вестая —
Дребезда золотоперая.
Взговорила Куропь белая
Человечьим звонким голосом:
Ай же, птицы вы летучие, —
Дребезда и ты, Габучина,
Вы летели мимо острова,
Миновали море около,

А не видли ль змея пестрого,
Что ль того Лихого Сокола?
Отвечали птицы мудрые:
Ай же, Куропь белокрылая,
Божья птица неповинная,
У тебя ль перо Архангела,
Голос грома поднебесного, —
Сокол враг, змея суровая,
Та ли погань стоголовая,
Обрядился не на острове,
Схоронился не на ростани,
А навис погодной тучею,
Разметался гривой долгою,
Надо свят-рекой текучею —
Крутобережною Волгою.
От налета соколиного,
Злого посвиста змеинного,
Волга реченька смутилася,
В сине море отшатилася...
Ой, не звоны колокольные
Никнут к земли, бродят около, —
Стонут люди полоненные
От налета злого Сокола.
И не песня заунывная
Над полями разливается, —
То плакун-трава могильная
С жалким шорохом склоняется!..

Мы слетелись птицы умные
На совет, на думу крепкую,
Со того ли саду райского —
С кипариса — Божья дерева.
Мы удумаем по-птичьему,
Сгломоним по-человечьему:
Я — Габучина безгрешная,
Птица темная, крошечная,
Затуманю разум Соколу,
Очи выключу у серого,
Чтоб ни близ себя, ни около
Не узнал он света белого.
Дребезда тут речь стоворила:
Я развею перья красные
На равнины святорусские,
В буруны озер опасные,
Что ль во те ли речки узкие.
Где падет перо небесное,
Там слепые станут зрячими,
Хромоногие — ходячими,
Безъязыкие — речистыми,
Темноумные — лучистыми.
Где падет перо кровавое,
Там сыра земля расступится,
Море синее накупится,
Водымет волны над дубравою —
Захлестнет Лихого Сокола,
Его силищу неправую,
Занесет кругом и около

Глиной желтою, горшечною,
И сплет с победной славою
Над могилой память вечную.
Прибредет мужик на глиняник,
Кирпича с руды натяпает
На печушку хлебопечную,
На завалину запечную,
Станет в стужу полузимнюю
Спину греть да приговаривать:
Вот те слава Соколиная —
Ты бесславьем опозорилась.
Напоследок слово молвила
Куропь-птица белоперая:
А как я, — росой вспоенная,
Светлым облаком вскормленная, —
Возлечу в обитель Божию,
К Саваофову подножию,
Запою стихиру длинную,
Сладословную, умильную.
Ту стихиру во долинушке
Молодой пастух дослушает,
Свесит голову детинушка,
Отмахнет слезу рубахою,
И под дудочку свирельную
Сложит новую бывальщину.
Аминь.

СВЯТАЯ БЫЛЬ.

Советали ко мне други-воины
С братолюбным уветом да ласкою,
Приносили гостинцы небесные,
Воду, хлеб, виноградье Адамово,
Благовестное ветвие раево.
Вопрошали меня гости-воины:
Ты ответствуй, скажи, добрый молодец,
Отчего ты душою кручинишься,
Как под вихорем ель, клонишь голову?
Наносилось ли платье стожарное,
Загусел ли венец зарнокованный,
Али звездные перстни осыпались,
Али райская песня не ладится?
И на спрос огнекрылым ответствовал:
Ах же, други — небесные витязи,
Мне платье — заря, венец — радуга,
Перстни — звезды, а песни, что вихори,
Ваню, травке и зверю утешные;
А кручнюсь, сумлюсь я, друженьки,

По земле святорусския—матери:
На нее века я с небес взираю,
К ней звездой слетев, человеком стал;
Двадцать белых зим, весен, осеней
Я дышу земным бrenным воздухом,
Вижу гор алтарь, степь-кадильницу,
Бор—притни молитв, дум убежище,—
Всем по духу брат, с человеками
Разошелся я жизнью внутренней...

Святорусский люд темен разумом,
Страшен косностью, лют обычаем;
Он на зелен бор топоры вострит,
Замуруд степей губит полымем.
Перед сильным—червь, он про слабого
За сивухи ковш яму выроет,
Он на цвет полей тучей хмурится,
На красу небес не оглянется...

Опустив мечи и скрестив крыла,
Мой навет друзья чутко слушали.
Как весенний гром на поля дохнет,
Как в горах рассвет зоем скажется,
Так один из них взвеял голосом:
Мир и мир тебе, одноотчий брат,
Мир устам твоим, слову каждому!
Мы к твоим речам приклонили слух,
И дадим ответ по разумию.
Тут взмахнул мечом светозарный гость.

Рассекал мою клеть телесную,
Выпускал меня, словно голубя,
Под зенитный круг, в Божьи воздушы;
И открылось мне: Глубина Глубин,
Незакатный Свет, только Свет один!
Только громы кругом откликаются,
Только гор алтари озаряются,
Только крылья кругом развеваются!
И звучит над горами: Победа и Мир!

В бесконечности духа бессмертия пир.

БЕСЕДНЫЙ НАИГРЫШ,
СТИХ ДОБРОПИСНЫЙ,

„Его же и навечернее междушное
вети подобает, с малым погрешом
тевым и суставным“.

*Из Отпуска — тайного свитка — алаверды
сказителей-скупщиков.*

По рожденьи Пречистого Спаса,
В житие премудрая Планиды,
А в успенье Поддубного старца,
Не гора до тверди досягнула,
Хлябь здынула каменною плешью,
В стороне, где солнышко ночует
На кошме, за пологом кумачным,
И где ночь-горбунья зелье варит,
Чернит косы копотью да сажей,
Под котлом валежины сжигая,
Народилось железное царство
Со Вильгельмищем, царищем потаня
У него ли, нечестивца, войска — снз

Порядового народа—несусветно;
Они веруют Лютеру-богу,
На себя креста не возлагают,
Великого говения не правят,
В Семик-день венника не рядят,
Не парятся в парной паруше,
Нечистого духа не смывают,
Опосля Удилену не кличут:
„Матушка ржаная Удилена,
Расчеши солому—золот волос,
Сдобри бражкой, патокою колос“...

* * *

Не сарыч кричит за буераком,
На свежые детенышей сзывая,
И не рысь прыскавая лесная
В ночь мяучит, теплой кровью сыта,—
То язык злокозненный глаголет,
Царь железный пыхает речами:
„Голова моя—умок лукавый,
Поразмысли—ты, пораскумекай,
Мне кого б в железо заковать?
Ожелезил землю я и воды,
Полонил огонь и пар шипучий,
Ветер, свет колодниками сделал,
Нынче ж я, как куропись в ловушку,
Светел Месяц с Солнышком поймаю:
Будет Месяц, как петух на жердке,
На острожном тыне перья чистить,

Брезжить зобом в каменные норы
И блюсти дозоры неусыпно!
Солнцу ж я за спесь, за непокорство,
С ног разую красные бахилы,
Желтый волос, ус лихой косатый
Остригу на войлок шерстобитам.
С шеи Солица бобчатую гривну
Кобелю отдам на ожерелок,
Повалю я красного спесивца
На полати с бабой шелудивой—
Ровня ль будет соколу ворона?”

Неедуча солодыга без прихлебки,
Два же дела без третьего не гожи,
Третье ж дело—гуменная работа.
Выжать рожь на черниговских пашнях,
Волгу-матку разлить по бутылкам,
С питухов барыши загребая,
С уха ж Стенькина славного кургана
Сбить литую куяшную шапку,
А с Москвы, боярыни вальяжной,
Поснимать соболью пятишовку,
Выплесть с кос подбрусник златотканый,
Осыпные перстни с ручек сбросить,
На последки ж мощи Макавея
Истолочь в чугунной полуступе,
Пропустить труху через решета,
И отсевом выбелить печища,
А попов, игуменов московских

Положить под мяло, под трепало—
Лоско ль будет черное мочало!..

Не медушник-цветик поит дрема
Па-вечерней сыченой росой,
И не крест—кладбищенский насельник,
Словно столпник, в тайну загляделся—
Мать-Планида на Руси крещеной
От страды келейной задремала.
Был ли сон, аль малые просонки,
Только въявь Планидушке явились
Петр апостол с Пятенкою-девой.
И рекли святые: „Мать-Планида,
Под скуфьей уснувши стопудовой,
За собой и Русь ты усыпила!
Ты вставай-ка, мать, на резвы ноги,
Повести-ка Русь о супостате.
Не бери в гонцы гуляку Вихря,
Ни сестриц Сутемок черноколых,
Ни Мороза с Зоем перекатным:
Вихрю пляс, присвистка да присядка,
Балалайки дробь—всего милее,
Пелосуг Сутемкам, им от Бога .
Дан наказ Заре кокошник вышить,
Рыбий глазки с зеньчугом не спутать,
Морзным стегом выпестрить очелье.
А мороза же не гладки лыжи,
Как пройдет, там насты да суметы,

В теплых пимах, в малице оленьей,
На ходе морозушко сопрееет,
А сопрев, по падам, по низинам
Расплеснется речкой половодной.
Звонаря же Зоя брать негоже,—
Без него трущоба—скит без била,
Зой ку-ку загозье, гомон с гремя
Шаргунцами вешает на сучья;
Ввечеру ж монашком сладкогласным
Часослов за елями читает...
Ты прими-ка, матушка Планида,
Во персты отмычки золотые,
Пробудившись, райскими ключами
Отомкни синь-камень несекомый,
Вызволь ты из каменной неволи
Паскарагу, ангельскую птицу,
Супротив стожарной Паскараги
Бирюча на белом свете нету!..*
От словес апостольских Планида,
Как косач в мошище, встрепенулась
Круто буйну голову здынула,
Откатила скуфью за Онего.
Кур-горой скуфья оборотилась,
Опушь стала ельником крошенин,
А завязка речкою Сорогой...

* * *

Ой, люди крещеные,
Толико ученые,

Слушайте-внимайте,
На улицу баб не пускайте,
Ребят на воронец
Дочуять песни конец,
На лежанку старух,
Чтобы голос не тух!
Господи благослови,
Царь Давид помоги,
Иван Богослов,
Дай басеньких слов,
В подъязычный сустав
Красных погребцов-слав,
А с того, кто скуп,
Выпеть денежек рубы!..

* * *

Тысчу лет живет Макоша-Морок,
След крадет, силки за хвоей ставит,
Уловляет души человечьи,
Тысчу лет и Лембэй пущей правит,
Осенщину-дань собирая с твари:
С зайца шерсть, буланый пух с лешуги,
А с осины пригоршню алтынов,
Но ни кто за тысчу зим и весен
Не внимал напеву Паскараги!
Растворила вещая Планида,
Словно складень, камень несекомый,
И запела ангельская птица,
О невзгоде Русь оповещая:

Первый зык дурманней кос девичьих
У ручья знобьяник-цвет учуял,—
Он поблек, как щеки ненаглядной
На простижах с воином-зазвобой—
Вещий знак, что много дроль пригожих
На Руси без милых отдевочат.

Зык другой, как трус снегов поморских,
Как булатный свист несметных сабель,
Когда кровь, как жар в кузнечном горне,
Вспучив скулы, Ярость раздувает,
И киркою Смерть-кладоискатель
Из сраженных души исторгает.

Третий зык, как звон воды в купели,
Когда Дух на первенца нисходит,
В двадцать лет детину сыном дарит,
Молодицу ж—горлинку в семнадцать.
Водный звон учуял старичище
По прозванью Сто Племен в Едином,
Он с полатей зорькою воззрися
И увидел рати супостата.—
Прогуторил старый: „эту погань,
Словно вошь на гаснике, лишь баней,
Лютым паром сжить со света можно“...
Черпанул старик воды из Камы,
Черпанул с Онеги ледовитой,
И, дополнив ковш водой из Дона,
Три реки на каменку опружил.

Зашипели Угорские плиты,
Взмыли пар Уральские граниты,
Валуны Валдая, Волжский щебень
Навострили зубья, словно гребень,
И, как ельник, как над морем скалы,
Из-под камней сто племен восстало...

* * *

Сказенец—не бабье мотовило,
Послесловье ж присловьем не станет,
А на спрос: „откуль“ да „что в последки“
Нам проиграет Кува—красный ворон;
Он гнездищем с Громом поменялся,
Чтоб снести яйцо—мужичью долю.

ПЕСНИ ИЗ ЗАОНЕЖЬЯ

Ах, вы цветики, цветы лазоревы,
Алоцветней вы красной зорюшки,
Скоротечней вы быстрой реченьки!
Как на вас, цветы, лют мороз падет,
На муравушку белый утренник,—
Сгубит зябелъ цвет, корень выстудит!

Ах, ты, дитятко, свет-Миколушка,
Как дубравный дуб—ты матер-станлив,
Поглядеть кому—сердцу завистно,
Да осилит дуб душегуб-топор,
Моготу твою—штоф зеленого!

На горе стоит елочка,
Под кудрявою—светелочка,
Во светелке красны девушки сидят,
На кажинной брилянтиновый наряд,
На единой дочке вдовиной—
Платьишко с серою мешковиной.

Наезжали ко светлице соколя,—
Всё гостинные купецки сыновья,
Выбирали себе женок по уму,
Увозили распригожих в Кострому,
Оставляли по залавочкам труху—
Вдовью дочь Миколашке-питуху.

* * *

Вы, белила-румяна мои,
Дорогие, новокупленные,

На меду-вине развоженные,
На бело лицо положенные,

Разгоритесь зарецветом на щеках,
Алым маком на девических устах,

Чтоб пригоже меня, краше не было,
Супротивницам-подруженькам на зло.

Уж я выйду на широкую гульбу—
Про свою людям поведаю судьбу:

„Вы не зарьтесь на жар-попымя румян,
Не глядите на парчевый сарафан.

Скоро девушку в полон заполонит
Но пустыне тихозвонный, белый скит*.

Скатной ягоде не скрыться при пути,—
От любви девке сердца не спасти.

Западите-ка, девичьи тропины,
Замуравьтесь травой-лебедой,—
Молоденьке зеленой не топтати
Макасовым красным сапожком.

Приубавила гульбища-воленья
От зазнобушки грамотка-письмо;
Я по зорьке скорописчату читала,
До полуночи в думушку брала.

Пишет девушке смертное прощенье
С Ерусланова, милый, городка,—
На поминку шлет скатное колечко,
На кручинушку бел-гербовый лист.

Я положила колечко в изголовье,—
Золотое покою не дает.
С ранней пташкою девка пробудилась
Распрощалась с матерью, отцом.

Обряжалася черною монашкой,
Расставалась с пригожеством-красой...
Замуравьется, девичьи тропины,
Смольным ельником, частою лозой.

* * *

Я сгорела молоденька без огня,
Без присухи сердце высушила,
Уж как мой-то муж недобрый до меня,
Не купил мне-ка атласного платка,
А купил, злодей, коровушку—
Непорядную работушку!..

Лучше пуд бы мне масла купил,
Подрукавной муки бы мешок,—
Я бы повязь с япанечкой продала,
На те деньги бы стряпейку наняла,
Стряпея бы мне постряпывала,
Я б младешенька похаживала,
Каблучками приколачивала:

Ах, вы, красные скрипучи каблучки,
Мне-ка не с кем этой ноченькой легчи
Нету деда, родной матери с отцом,
Буду ночку коротати с муженьком!

Муженечек на перинушке лежит,
А меня, младу, на лавочку валит,
Изголовьицем ременну плеть кладет,
Потничком велит окутаться:

„Уж ты спи, моя лебедушка, усни,
Ко полуночи квашонку раствори,
К петухам парную баню истопи,
К утру-свету лен повыпряди,
Ко полудню вытки белые холсты,
К сутеменкам муженьку сготовь порты,
У портищ чтоб были строчены рубцы,
Гасник шелковый с кисточкою,
Еще пугвица волжонная“...
Молода жена—ученая.

На малиновом кусту
Сладки ягоды в росту,
Они зреют, половеют
На заманку-щипоту.

Затрудила щипота
От калинова моста,
От накладины тесовой,
Молодецка долота.

Малец кладочку долбил,
Долотёшко притупил,
На точило девку милу
Ненароком залучил.

Я не ведала про то—
В моготу ли долото,
Зарудело, заалело
Камень—тело молодо...

У малинова куста
Нету плодного листа,
Ах, в утробе по зазнобе
Зреет ягода густа.

На реке калинов мост
В снежный кутается холст,—
Девке торный, незазорный
Первопуюток на погост.

На погосте мил дружок
Стружит гробик-теремок...
Белый саван, сизый ладон—
Светлый девичий зарок.

* * *

Как по реченьке-реке
В острогрудом челноке,

Где падун-водоворот,
Удалой рыбак плывет.

У него приманио рус
Закудрявлен лихо ус,

Парус-облако, весло—
Лебединое крыло.

Подмережник—жемчуга,
Во мереже два сига,

Из сигадины один—
Рыбаку заочный сын.

В прибережной осоке,
В лютой немочи-тоске

Заломила руки мать.
Широка речная гладь;

Желтой мели полоса,
Словно девичья коса,

Заревые янтари—
Жар-монисто на груди.

С рыболовом, крутобок,
Бороздит янтарь челнок.

Глуби ропщут: так иль сяк—
Будешь ты на дне, рыбацк.

ПЛЯСЕЯ.

(Девка-запевало):

Я вечер, млада, во пиру была,
Хмелен мед пила, сахар кушала;
Во хмелю, млада, похвалялася
Не житьем-бытьем—красной удалю.

Не сосна в бору дрожмя-дрогнула,
Топором-пилой насмерть ранена,
Не из невода рыба шала, я,
Извиваючись, в омут просится,—

Это я пошла в пляску походом:
Гости-бражники рты разинули,
Домовой завыл—крякнул под поном,
На запечье кот искры выбрызнул.

Вот я —
Плясея —

Вихорь, прах летучий,
Сарафан—
Синь-туман,
Косы—бор дремучий!
Пляс—гром,
Бурелом,
Лешева погудка,
Под косой—
Луговой
Цветик незабудка!

(Парень-припевало):

Ой, пляска приворотная,
Любовь—краса залетная,
Чем вчуже вами маяться,
На плахе белолиповой
Срубить бы легче голову!

Не уголь жжет мне пазуху,
Не воск—утроба топится,
О камень—тело жаркое,
На пляс—красу орлиную
Разбойный ножик точится!

На припеке цветик алый
Обезлиствел и поблек,—
Свет-детина разудалый
От зазнобушки далек.

Он взвился бы буйной птицей,—
Цепи-вороги крепки,
Из темницы до светлицы
Перевалы велики:¹

Призапала к милой стежка,
Буреломом залегла.
За окованным окошком—
Колокольная игла.

Всё дозоры да запоры,
Каземат—глухой капкан...
Где вы, косы—темны боры,
Заряница—сарафан?

В белоструганной светелке
Кто призарился на вас,
На фату хрущата шелка,
На узорный канифас?

Заручился кто от любви
Скатным клятвенным кольцом:
Волос—зарь, малина—губы,
В цвет черемухи лицом?..

Захолонула утроба,
Кровь, как цепи, тяжела...
Помяни, душа-зазноба,
Друга—сизого орла!

Без ножа ему неволя
Кольца срезала кудрей,
Чтоб раздольней стало поле,
Песня-вихорь удалей.

Чтоб напева ветрова
Не забыл крещеный край...
Не шуми ты, мать-дуброва,
Думу думать не мешай!

Ах, подруженьки-голубушки,
Луговые серы утушки,
Вы берите ка скорешенько
Пялы новые, точеные,
Еще иглы золоченые,
Шелк бурмитчатый, наводчатый,
Мелкий бисер с ясным золотом,
Расшивайте к сроку-времени
Разузорчатую завесу!
На одном углу—скради глаза,
Наведите солнце с месяцем,
На другом углу—рехнись ума,
Ниже девушку с прилукою!

Как наедут сват со свахою,
Поезжане с девьим выкупом,
Разглядятся и раззарятся
На мудрены красны шитицы,
А раззарясь, с думы выкинут
Сватать павушку за ворона,
Ощипать перо лазорево,
Довести красу до омута!

ПОСАДСКАЯ.

Не шуми, трава шелкова,
Бел-призорник, зарецвет,
Вышиваю для милова
Левантиновый кисет.

Я по алу левантину
Расписной разброшу стег,
Вышью Гору Соколину,
Белокаменный острог.

Неба ясные упеки
Наведу на уголки,
Бирюзой занижу реки,
С Беломорьем—Соловки.

Оторочку на кисете
Литерами обовью:
„Люди с титлою“, „Мыслете“,
Объявилось: „Люблю“.

Ах, не даром на посаде
Грамотеей я слыву...
Зелен-ветер в палисаде
Всколыхнул призор-траву.

Не клонись, вещунья-травка,
Без тебя вдомек уму:
Я—посадская чернавка,
Мил жирует в терему.

У милого—кунья шуба,
Гоголиной масти конь,
У меня—сахарны губы,
Косы чалые в ладонь.

Не окупит мил любви
Четвертиной серебра...
Заревейте на обнове
Расписные литера!

Дорог камень бирюзовый,
В стег мудреный заплетись,
Ты, муравонька шелкова,
Самобранкой расстелись.

Не завихрился бы в поле
Подкопытный прах столбом,
Как проскачет конь гоголий
С зарнооким седоком.

ПЕСНЯ ПРО ВАСИХУ.

Откуль пошло прозвище
Лешева Находка.

Кенское предание.

Баба Василиста
Хороша, грудиста,
Голова кувшином
С носом журавлиным,
Руки—погонялки,
Ноги—волчьи пялки.
Как пошла Васиха
Слободе на лихо
Бедра наживати,
Самобранку ткати.
Дали ей бердище
По колу зубище...
На повозной паре
Ехали бояре,

Охобни бобровы,
Сами черnobровы:
„Помогай-те Боже
Вытыкать рогожи!“
Баба Василиста
На язык речиста,
Как выжлец у сала,
Мерином заржала.
„Ай, да баба-пава,
Гридняя забава...
Быть тебе Васиха—
В терему ткачихой,
За глумство-отвагу
Трескать солодяду,
За кудель на тыне
Окрестить отныне
Красную Слободку
В Лешеву Находку!“

СЛОБОДСКАЯ.

Как во нашей ли деревне—
В развеселой слободе,
Был детина, как малина,
Тонкоплеч и чернобров;

Он головушкой покорен,
Сердцем-полымем ретив,
Дозволенья ожениться
У родителя просил.

На кручинное моление
Не отвечивал отец,—
Тем на утреннем пролете
Сиза голубя сгубил:

У студеного поморья,
На пустынном берегу,
Сын под елью в темной келье
Поселился навсегда.

Иногда из кельи строгой
На уклон выходит он
Поглядеть, как стелет море
По набережью туман,

Как плывут над морем тучи,
Волны буйные шумят,
О любви, о кручине,
О разлуке говорят. ■

БАБЬЯ ПЕСНЯ.

Страховито деревинке под грозой стояти,
Листопадные волосья по ветру трепати,
Таково ли молоденьке за неладным мужем,
Как за вороном касатке, годы коротати.

Надоумилося птахе перышки оправить,—
Молодешеньке у мужа спеси приубавить.
Я рядилася в уборы—в дорогую кикку,
Еще в алу косоплетку—по любезну память,

Улещала муженечка в рощу погуляти,
На заманку посулила князем величати.
Улучала молоденька времени маленько,—
Привязала диходея ко дремучей ели.

Я гуляла-пировала круглую неделю
С кудреватым, вороватым, с головой
разбойной.
По разлуке, по гостибью разума хватилась,
Аставала душу в теле—муженька у ели:

„Еще станешь ли, негодный, любу веселити?“
— Ой, сударыня-жена, буду забавляти!
„Еще станешь ли, негодный, на гульбу возити?“
— Ой, боярыня-жена, буду на пеганке!

„Ах, пегана у цыгана, сани на базаре,
Крутобокое седельце у дружка в промене,
Погонялочка с уздицей—в кабаке на спице“.

* * *

Я ко любушке-голубушке ходил,
Голубую однорядку износил,
Шубу беличью повыволочил,
Коробейку мелких денег издержал,
Разлюбезной воркованьем докучал;
Я куплю тебе гостинец—скатну нить,
Буду баско оболоченой водить.
Разлюби ты дегтегона-лесника,
Лаптевяза, да Мирона-резчика,
Не подмигивай торговому в ряду,
Не обранивай платочка на ходу,
Протопопу белой ручкой не маши,
Не заглядывай в рыбацьи шалаша,
У калачника не мешкай в куреню,
Не давай овса гонецкому коню,
На гонца крутую бровь не наводи,
Чтобы сердце не кровавилось в груди!
У гонца не застоялая душа,—
В торбе ложка и походная лапша.

Он тебя за белояровый овес
Доведет до неумных горьких слез,
Что ль до зыбки—непотребного лубка,
До отцовского глухого кулака,
Будет зыбочка поскрипывать,
Красна девушка повздыхивать!

ДОСЮЛЬНАЯ.

Не по зеленому бархату,
Не по рытому, черевчату,
Золото кольцо катается,
Красным жаром распыляется,—
По брусяной новой горнице,
По накатной половичине,
Разудалый ходит походом,
Голосит слова ретивые:

Ах, брусяные хоромы,
В вас кому ли жировати,
Красоватися кому?
Угодити мне из горниц,
С белоструганных половиц,
В поруб—лютую тюрьму!

Ах, вы, сукна-заволоки,
Вами сосны ли крутити,
Обряжать пути-мосты?

Побратались с детиной
Лыки с белою рядниной,—
Поминальные холсты!

Ах, ты, сад зеленотемный,
Не заманивай соловкой,
Духом-брагой не пои:
У тебя есть гость захожий,
Под лозой лежит пригожий,
С метким ножиком в груди!..

Ой, не в колокол ударили,
Не валун с нагорья ринули,
Подломив ковыль с душицею,
На отшибе ранив осокорь,—
Повели удала волостью,
За острожный тын, как ворога,
До него зенитной птахою
Долетает причет девичий:

Ой, не полымя в бору
Полыхает ало—
Голошу—утробой мру
По тебе, удалый.

У перильчата крыльца
Яровая мята
Залучила жеребца,
Друга-супостата.

Скакуну в сыром лугу
Мята с зверобоем,
Супротивнику-врагу
Ножик в ретивое.

Свянет мятная трава,
Цвет на бересклете...
Не молодка, не вдова—
Я одна на свете.

Заторится стежка-вьюн
До девичьей хаты,
И не вытопчет скакун
У крылечка мяты.

ПЕСНЯ ПРО СУДЬБУ.

Из-за леса—лесу темного,
Из-за садика зеленого,

Не ясен-сокол вылетывал,—
Добрый молодец выезживал.

По одёжи он купецкий сын,
По обличью парень-пахотник.

Он подъехал во чистом поле
Ко ракитовому кустику,

С корня сламывал три прутика,
Повыстругивал три жеребья.

Он слезал с коня пеганого,
Становился на прогалине,
Черной земли низко кланяясь:

„Ты ответствуй, мать-сыра земля,
С волчником-травой, с дубровою,

Мне какой, заочно суженый,
Изю трех повысить жеребий?

Первый жребий—быть лапотником,
Тихомудрым, черным пахарем,

Средний—духом ожелезиться,
Стать фабричным горемыкою,

Третий—рай высокий, мысленный,
Добру молодцу дарующий,

Там река течет животная,
Веют воздуха безбольные,

Младость резвая не старится,
Не седеют кудри-вихори“.

* * *

Меня матушка будит спозаранья,
Я поздешенько, девушка, встаю;
Покуль белое личко умываю —
Мне изюмный калачик испечен,
Покуль в цветное платье обряжаюсь,
Мне-ка чарочка меду подана,
Пока медом калачик запиваю, —
На работу подруженьки уйдут...
От крестьянской работы-рукоделья
У подруженек рученьки болят,
Болят спинushка с буйной головою,
Ретивому еердечку тяжело...
Мне ж едина работушка далася —
Шить наводь по алому сукну.
Ах, с сиденья, с девичьего безделья
Сполюблю я удаля паренька, —
С распригожим не будет девке тошно
До замужества время коротать, —
До того ли замужества-разлуки,

До проклятого бабьего житья!
Распроклятое бабье жированье,
Расхорошее девичье житье:
Уж я выплюся девушкой досыта,
Нагуляюся красной до любви,

КРАСНАЯ ГОРКА.

Как у нашего двора
Есть укатана гора,

Ах, укатана, увалена,
Водою полита.

Принаскучило молодой
Шить серебряной иглой,—

Я со лавочки встала,
Серой уткой поплыла,

По за-сенцам—лебедем,
Под крылечико—бегом.

Ах, не ведала млада,
Что гора—моя беда,

Что козловый башмачок
По раскату—не ходок!

Я и этак, я и так,—
Упирается башмак.

На ту пору паренек
Подад девушке платок.

Я бахромчат плат брала,
Парию славу воздала:

„Ты откуль изволишь быть,
Чем тебя благодарить:

Золотою ли казной,
Али пьяною гостьбой?“

Раскудрявич мне в ответ:
„Я по волости сосед;

Приурочил для тебя
Плат и вихоря-коня,

Сани лаковые,
Губы маковые“.

ПЕСНЯ ПОД ВОЛЫНКУ.

Как родители-разлучники
Да женитьба подневольная
Довели удала молодца
До большой тоски-раздумья!

Допрежь сердце соколиное
Черной немочи не ведало,—
Я на гульбищах погуливал,
Шапки старосте не ламывал.

А тепереча я—молодец,
Словно птаха-конопляница,
Что по зорьке лёт направивши,
Птицелову в сеть сгодилася.

Как лихие путы пташицу,
Так станливого молодчика
Завязала и запутала
Молода жена-приданица.

СВАДЕБНАЯ.

Ты, судинушка—чужая сторона,
Что свекровьими попреками красна,

Стань-ка городом, дорогой столбовой,
Краснорядною торговой слободой!

Было б друженьке где волю волевать,
В сарафане-разгуляне щеголять,

Краснорядцев с ума-разума сводить,
Развеселой слобожанкою прослыть,

Перемочь невыносимую тоску—
Подариться нелюбиму муженьку!

Муж повышпилит булабочки с косы,
Не помилует девической красы,

Сгонит с облика белила и сурьму,
Не обрядит в расписную бахромку.

Станет друженька преклонливей травы,
Не услышит человеческой молвы,

Только благовест учует по утру,
Перехожую волынку в вечеру.

Не под елью белый мох
Изоржавел и засох,

Заростала сохлым мхом
Пахотинка-чернозем.

Привелось на грехи
Раскосулить белы мхи,

Призасеять репку
Не часту, не редку.

Выростала репа-мед
Вплоть до тещиных ворот...

Глядь, в осенний репорез
Вор на репище залез.

Как на воре тещин плат
Красной вышивкой назад,

Подзатыльник с галуном...
Неподатлив чернозем.

Зять воровку устерег,
Побивало приберег,

Что ль гужину во всю спину,
На затылицу батог.

Завопила теща-мать:
„Государь—любимый зять,

Погоди меня казнить,
Вели говор говорить!

Уж как я, честна вдова,
Как притынная трава,

Ни ездок, ни пешеход
Муравы не колыхнет,

Потоптал тимьян-траву
Ты на студную молву,

Я за студную беду
Дочку-паву уведу!

Ах, без павушки павлин—
Без казны гостиный сын,

Он в зеленый сад пойдет—
Мелко листье опадет,

Выйдет в красный хоровод—
Отшатится весь народ.

Ему тамова житье,
Где кабацкое питье,

Где кружальный ковш гремит,
Ретивое пепелит,

Ронит кудри на глаза
Перегарная слеза!"

ИВУШКА ЗЕЛЕНЕНЬКА...

Ивушка зелененька —
Девушка молоденька.
Стали иву ломати —
Девку замуж отдавати.
Красна девушка догадалась,
В нову горницю, свет, кидалась:
„Ах, ты, горенка — светлая сидельня,
Мне-ка нонева не до рукоделья,
А еще не до смирных беседы!
Ах, вы, пялы мои золочены,
Ворота ли вами подпирати?
Вы, шелки мои — бобчаты пояся,
По сугорам ли вас расстилати?
Уж вы плящие, ярые свечи,
Темны корбы ли вами палити?
Ты согрева — муравчата лежанка,
Не смолой ли тебя растопити?“
Отвечала лежанка-телогрейка,
Она речью крещеной человечей:

„Лучше б тебе, девушке, родиться
Во сыром болоте черной кочкой,
Чем не милу сапог разувати,
За онучею гривну искати,
За нее лиходея целовати!“

СИЗЫЙ ГОЛУБЬ.

Сизый голубь ворковал,
Под оконце прилетал;
Он разведal, распознал,
Что в светлице говорят.
Ухитряют во светлице
Сиза в клетку залучить,
Чтобы с голубем девице
Красоту-любовь делить,
Обряджаться-крутиться
В алый кемрик, в скатну нить.
Буйноперый под окном
Обернулся пареньком,—
Очи—ночка, день—лицо...
Хлипка девичье крыльцо,
Тесовая дверь бела,
Клетка-горенка мала,
На лежанке пуховик—
Запрокинуть девий лик,
С перелету на груди
Птичьим пылом изойти.

* * *

Летел орел за тучею,
В догонку за гремучею,
Он воздуха разреживал,
А туч не опереживал.

Упал орел на застреху
Кружала затрапезного,
Повыглядел в оконницу
Становище кабацкое.

Он в пляс пошел—завихрился,
Обжег метельным холодом,
Нахвальщиков-кудрявичей
Притулил на залавицы...

Ой, яра кровь орлиная,
Повадка—поступь гульная,
Да чарка злая, винная,
Что песенка досюльная,

Не мимо канет-молвится.
Глянь, пьяница-пропойщина,
Мирская краснобайщина,
Тебе ль попарщик сиз орел,
Что с громом силой мерялся,
С крыла дожди отряхивал,
С зениц стожары-сполохи,

Аи он, за красоулею
Погнавшись, стал вороною,
Каркуньей загумённою.

А и всё-то она, ворона, грает,
На весь свет растопорха пеняет:
„Извели меня вороги-люди,
Опризорили зависть да лихо,
Разлучили с невестой-звездой,
Подружили с вороньею жирой,
С загумённою, пьяною долей!“

* * *

На селе четыре жителя,
Нет у девки уважителя, —
Как у Власа-то савраса борода,
У Никиты нос подбитый завсегда,
У Савелья от безделья чернота, —
Не выводится цыгарка изо рта,
У Ипата кудревата голова,
Да пронесена недобрая молва:
Будто ночью Ипатушка
Загубил свою разлапушку, —
Вышибал ей печень черную,
За повадку непокорную,
За орехи, за изюмные стручки,
За ручные мелкотравчатые платки,
На платочках красны литеры —
Подарил купец из Питера...
Кабы я Ипату любушкой была,
Не такое бы бесчестье навела,
Накурила бы вина позеленей,

Напекла-бы колобов погорячей,
Угостила-б супостата-миляша,
Чтобы вышла из постылого душа!..

Ах, тальянка медиосборчатая,
Голосистая, узорчатая,
Выдай погребцы детинушке —
Ласкослову сиротинушке,
Чтобы девку не сушила сухота,
Без жадобного не сгибла б красота,
Не палила б мои кречетьи глаза
Неуемная капучая слеза!

* * *

Недозрелую калинушку
Не ломают и не рвут, —
Недорощена детинушку
Во солдаты не берут.

Придорожну скатну ягоду
Топчут конник, пешеход, —
По двадцатой красной осени
Парня гонят во поход.

Раскудрявьтесь, кудри-вихори,
Брови — черные стрижи,
Ты, размыкушка-гармоника,
Про судину расскажи:

Во незнаемой сторонушке
Красовита ли гульба?
По страде свежит ли прохолодь,
В стужу греет ли изба?

Есть ли улица расхожая,
Девка-зорька, маков цвет,
Али ночка непогожая
Ко сударке застит след?

Ах, размыкушке-гармонике
Поиграть не долгов срок!..
Придорожную калинушку
Топчут пеший и ездок.

СТИХ О ПРАВЕДНОЙ ДУШЕ.

Жила душа свято, праведно,
Во пустыне душа спасалася,
В листвие нага одевалася,
Во бересто боса обувалася,
Притулья-жилья душа не имала,
За застольным брашном не сиживала,
Куса в соль не обмакивала.
Утредила душа тело белое
Что-ль до туги-издыхания смертного,
Чаяла душа, что в рай пойдет,
А пошла она в тартарары.
Закрючили душеньку два огненных пса,
Учали душеньку во уста лакать...
Калыгеря-бес да бес-едун
К Сатане пришли с судной хартией...
Надевал Сатана очки геенские,
Садился на стуло костеножное,
Стал житие души вычитывать:
Трудилась душа по-апостольски,

Служила душа по-архангельски,
Воздыхала душа по-Адамову —
Мукой мучиться душе не за что.
А и в чем же душа провинилась,
В грабеже ль, во разбое поножевничала.
Мостовую ли гривну утаивала,
Аль чужие силки оголаживала,
Аль на уду свят артос насаживала?
Не повинна душенька и в сих грехах...
А как была душа в плоти-живности,
Что ль семи годков без единого,
Так в Страстной Пяток она стреснула,
Не покаившись, глупыш масленный...
Не суди нас, Боже, во многом,
А спаси нас, Спасе, во малом.

Аминь.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ МИЛОСТЫНИ.

Песня убогого Пафнутьюшки.

Не отказна милостыня праведная,
На помин души родительской
По субботним дням подавана
Нищей братьи со мостинами...
А убогому Пафнутьюшке
Дан поминный кус в особицу.

Как у куса нутра ячневы,
С золотой наводной корочкой,
Уж как творен кус на патоке,
Испечен на росном ладоне,
А отмяк кусок под образом,
Белым воздухом прикутанный...
Спасет Бог, возблагодарствует
Кормящих, поющих,
Одевающих, обувающих,
Теплом согревающих!

Милостыня сота—
Будет душеньке вольгота;
Хозяину в дому,
Как Адаму во раю,
Детушкам в дому,
Как орешкам во меду!
Спасет Бог радетелей,
Щедрых благодетелей,
Аверкий—банный согреватель,
Душ и телес очищатель,
Сесентий—калужник,
Олексий—пролужник,
Все святые с нами
В ипостасном храме.

Аминь.

Оглавление.

СОСЕН ПЕРЕЗВОН.

стр.

В заатотканные дни Сентября...	5
Весна отсыла...	7
Наша радость, счастье наше...	9
Вечер ржавой позолотой...	11
Я говорил тебе о Боге...	14
Пахарь...	16
Я был прекрасен и крылат...	18
Голос из народа...	20
Просишь—море, туча—кит...	22
Осенюсь могильною иконкой...	24
В морозной игле, как око сычье...	25
Сердцу сердца говорю...	27
Холодное, как смерть, равниной бездыханной...	28
Ты все келейнее и строже...	29
О, ризы вечера, багряно-золотые...	31
Я надену черную рубаху...	32
Темным зовам не верит душа...	34
Безответным рабом...	35
Есть на свете край обширный...	36
По тропе-дороженьке...	38
Я пришел к тебе убогий...	39
Старый дом зловоше гулак...	41
Любви начало было летом...	43

	стр.
Не оплакано бывшее...	45
Отверженной	47
Ты не плачь, не крушися...	48
Сегодня небо, как невеста...	49
Я—мраморный ангел на старом погосте...	51
Нам закланы и заказаны...	52
Не говори,—без слов понятна...	53
Я за гранью, я в просторе...	55
Мы любим только то, чему названья нет...	56
Вы обещали нам сады...	57
На песню, на сказку рассудок молчит...	59
Я молился бы лику заката...	61
Александру Блоку:	
1. Верить ли песням твоим...	62
2. Я болен сладостным недугом...	64
Простятся вам столетий ига...	66
Завещание	67

БРАТСКИЕ ПЕСНИ.

Я был в Духе в день воскресный...	71
Бегство	73
Полунощница	75
Есть то, чего не видел глаз...	78
Ожидание	79
Спят косогор и река...	80
За лебединой белой долей...	81
Позабыл, что в руках...	83
Брачная песня	84
Как вора дерзкого, меня...	86
Дрёмны плески вечернего звона...	88
Не верьте, что бесы крылаты...	89
Вы деньки мои—голуби белые...	91
Не жди зари, она погасла...	93

Отвергнув мир, врагов прощая...	95
Помню я обедню раннюю...	96
Отгул колоколов, то полновесно-четкий...	98
На кресте:	
1. Лестница золотая...	99
2. Гвоздьяные поют раны...	100
О, поспешите, братья, к нам...	101
Братская песня	103
В Моем раю обитель есть...	105
Он придет! Он придет! И содрогнутся горы...	106
Как звезде, пролетной тучке...	108
Радельные песни:	
1. Ах, вы други-полюбовные собратья...	109
2. Мне сказали—Света век на видать...	111
3. Ты взойди, взойди, Невечерний свет...	113
Усланный стих	115
Песнь похода	118

ЛЕСНЫЕ БЫЛИ.

Пашни буры, межи зелены...	123
Старуха	124
Осинушка	126
Я люблю цыганские кочевья...	128
Поволжский сказ	129
В просинь под загляделся нвы...	132
Лес	134
Прохожу ночной деревней...	135
Певучей думой обуян...	137
Тучи, как кони в ночном...	138
Ноченька темная, жизнь подневольная...	140
Изба-богатырища...	141
Месец—рог олений...	143
Я пришел к тебе, сыр-дремучий бор...	145

	стр.
Галка-староверка ходит в черной раске...	147
Вешний Никола	149
От кудрявых стружек тянет смолью...	151
Посмотри, какие тени...	153
Разохлалась старуха...	155
Дымно и тесно в избе...	157
Невесела нынче весна...	158
Талы избы, дорога...	159
Ветхая ставней резьба...	160
Мне сказали, что ты умерла...	161
Косогоры, низины, болота...	162
Октябрь-петух меднозобый...	163
Болесть, да засуха...	164
Чу! Перекатный стук на гумнах...	166
Снова поверилось в дали свободные...	167
Набух, оттаял лед на речке...	168
Пушистые, теплые тучи...	170
Возят щебень, роют ры...	172
Обозвал тишину глухоманью...	174
От дремы, от темноты...	175
Радость видеть первый стог...	176
Запечных потемок чурается день...	177
Сготовить dedu круп, помочь развесить сети...	179
В овраге снежные ширинки...	181
Черны проталины. Навозом...	183
Облиная буренка...	184
Осянник гулче, ельник глуше...	186
Я дома. Хмырой тишиной...	187
Не в смерть, а в жизнь введи меня...	188
Растрепало солнце волосы...	190
На темном ельнике стволы берез...	192
Под низкой тучей пороний грай...	193
Лесные сумерки—монах...	195
Оттепель—баба хозяйка...	197

	стр.
Лынянокудрых тучек бег...	199
Теплятся звезды-лучинки...	201
Сегодня в лесу именины...	202
Уже хоронится от слезки...	204
Смерть ручья	206
Ель мне подала лапу, береза—серьгу...	208

МИРСКИЕ ДУМЫ.

В этот год за святыми обеднями...	211
Что ты, нишушка, черненька...	213
Без посохов, без злата...	217
Небесный вратарь	219
Луговые потемки, омежки, стога...	221
Солдатка	222
Обидный плач	223
Мирская дума	227
Кабы я не Акулиною была...	230
Поминный причит.	232
Гей, отзовитесь, курганы...	234
Скрытый стих	236
Слезный плат	241
Песня о соколе и о трех птицах Божьих	243
Святая быль	247
Беседный нангрыш	250

ПЕСНИ ИЗ-ЗАОНЕЖЬЯ.

Ах, вы цветики, цветы лазоревы...	261
Вы, белила-румяна моя...	263
Западите-ка, девичьи тропины...	264
Я сторела молоденька без огня...	266
На малиновом кусту...	268

	стр.
Как по реченьке-реке...	270
Плясая	272
На припеке цветик алый...	274
Ах, подруженьки-голубушки...	276
Посадская	277
Песня про Василиху	279
Слободская	281
Бабыя песня	283
Я ко любушке-голубушке ходил...	285
Досюльная	287
Песня про судьбу	290
Меня матушка будит спозаранья...	292
Красная горка	294
Песня под волюнку	296
Свадебная	297
Не под елью белый мох...	299
Ивушка зелененька...	302
Сизый голубь	304
Летел орел за тучею...	305
На селе четыре жителя...	307
Недозрелую калинушку...	309
Стих о праведной душе	311
Прославление милостыни	313

Цена 20 руб.

